

Каждый ребенок в какой-то мере гений,
и каждый гений в какой-то мере ребенок

НОСОЧКИ- КОЛГОТОЧКИ

НАРИНЭ АБГАРЯН, МАРИНА БЕСЧАСТНОВА,
ВИКТОРИЯ ЛЕБЕДЕВА, ЮКА ЛЕЩЕНКО,
АЛИСА НАГРОЦКАЯ, ЕЛЕНА ШАХНОВСКАЯ,
МАРИЯ ШЕНБРУНН-АМОР, **МАРТА КЕТРО**

Мария Шенбрунн-Амор
Алиса Нагроцкая
Виктория Юрьевна Лебедева
Марина Бесчастнова
Елена Шахновская
Наринэ Юриковна Абгарян
Юка Лещенко
Марта Кетро
Носочки-колготочки
Серия «Легенда русского Интернета»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51367260

Носочки-колготочки: [сборник рассказов] / Наринэ Абгарян, Марта

Кетро и др. : АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-110474-0

Аннотация

Однажды ты находишь в шкафу под грудой белья носочки, величиной с ладонь, и к тебе разом возвращается детство, твоё или твоего ребёнка. Смешное, щемящее, бесконечно ценное. Сборник «Носочки-колготочки» – это рассказы о нашем детстве и о современных малышах, у которых всё другое, другая одежда,

игрушки и мультики, но совершенно такие же крошечные носочки и такой же новенький сияющий мир вокруг.

В книгу вошли рассказы известных и начинающих авторов о детстве, смешные или грустные, но до краев полные любви.

Содержание

Счастье Муры (Отрывок из повести)	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава промежуточная	21
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	36
«Бабай» и другие истории	43
Бабай	43
Заячий пирог	45
Дизель до Африки	48
Секретная рыба	52
Хорошее слово	58
Про разнообразное детство	60
Про разнообразное детство	60
Если вы хотите завести близнецов	70
Некоторые детские вопросы	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Носочки-колготочки: [сборник рассказов]

Серия «Легенда русского Интернета»

Рисунок на переплете – Ирина Шкловер

Редакционно-издательская группа «Жанровая ли-
тература»

представляет книги

МАРТЫ КЕТРО

Бродячая женщина
Все девочки снежинки, а мальчики клоуны
Горький шоколад. Книга утешений
Госпожа яблок
Женщины и коты, мужчины и кошки
Жизнь в мелкий цветочек
Знаки
Искусство любовной войны
Как поймать девочку
Как сделать так, чтобы тебя любили. (В Интернете)
Книга обманов
Лимоны и синицы
Магички. Орден Воробьиного сычика
Московские фиалки
О любви
Осенний полет таксы
Песни о жестокости женщин, мужском вероломстве
и общечеловеческой слабости
Письма Луне
Справочник по уходу и возвращению
Три аспекта женской истерики
Улыбайся всегда, любовь моя
Умная, как цветок
Хорошенькие не умирают
Хоп-хоп, улитка

Чтобы сказать ему

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ:

Вздохнуть! И! не! ды! шать!

Зато ты очень красивый

Лисья честность

Мартовские коты

Носочки-колготочки

Плохие кошки

Психи и психологи

Скажи!

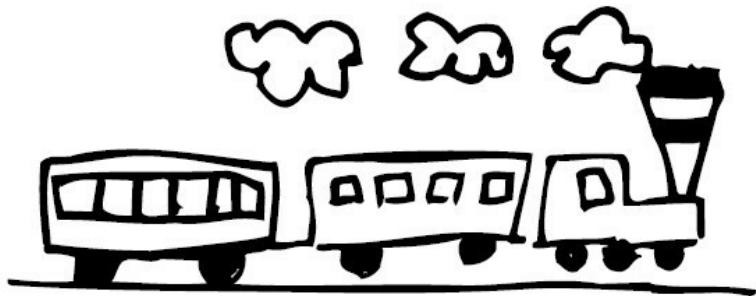
© М. Кетро, составление, текст, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Счастье Муры (Отрывок из повести) Наринэ Абгарян

*Благотворительному фонду «Созидание» – за
добрые дела*

Глава 1 Бабушка

– Бабуль! «Баранки» от слова «барашки»?

Мура смотрит сосредоточенно и требовательно. На круглой щеке, чуть ниже скулы, длинная неглубокая царапина.

– А нечего заводить себе такие растопыренные щёки! –

приговаривал вчера Гришка, аккуратно обрабатывая царапину йодом. – Щиплет?

– Щиплет, – шмыгала носом Мура, но стоически терпела. А потом всё-таки не удержалась и сладострастно разревелась: – Я же не виноватая, что у кустика такая колючая ветка!

– Так тормозить надо вовремя! Разбежалась и полетела. Вот и напоролась, – зудел Гришка.

Гришке девять с половиной, Муре пять. Гришка почти совсем взрослый, ест как не в себя, и руки стали длинные-предлинные. Мама Тоня говорит, что мальчики растут как попало – неравномерно, скачками. Сначала шея вытянется, потом руки. Гришка при ходьбе размахивает ими так, что думаешь – сейчас оторвутся.

– Ишь, гоблин, – ласково говорит о нём бабушка.

Бабушка три раза смотрела фильм про Властелина колец и теперь знает наизусть все нечеловеческие расы. Консьержка Римма Петровна у неё энт, потому что высокая, как дерево, и корявая – что нос, что локти. А голос такой, словно из дупла говорит. А вот дворника Касима бабушка называет хоббитом. Потому что маленький, уши врастопыр. И брови мохнатые – глаз не увидеть.

– Поднимите ему брови, – говорит про дворника бабушка.

Касим словно чувствует, что брови – главный камень преткновения в общении с бабушкой. Поэтому при встрече всегда приглаживает их указательными пальцами. А потом вытягивается в струнку, словно бравый солдат. Только метла

сбоку криво торчит.

– Здравствуйте, Зинаида Андреевна! – говорит Касим.

– Салям алейкум, – отвечает бабуля.

Мура сначала думала, что она Касиму про колбасу салами говорит. С которой к завтраку делает вкусные бутерброды – тонкий кружочек колбасы, ломтик сыра и листик салата.

Но бабушка объяснила, что «салям алейкум» – это приветствие на языке Касима. Бабушка вообще очень умная и много непонятных слов знает.

– Бабуль. Ну чего скажешь? – торопит её Мура. – «Баранки» от слова «барашки»?

Бабушка гладит её по вьющимся льняным волосам.

– Нет, солнышко, «барашки» от слова «баран».

– А «баранки»? – не сдаётся Мура.

– А «баранки» от слова «баранка».

– Ага. Буду знать.

Гришка с бабушкой сегодня снова делали русский. Разбирали слова – где корень, где суффикс, где приставка. Мура ходила кругами, запоминала.

– Гриша, это же так просто! – терпеливо объясняла бабушка. – Давай, например, возьмём слово «пирог».

– Давай, – оживился Гришка (он всегда голодный, когда делает уроки).

– И подберём к нему уменьшительные суффиксы.

– Уменьшительные? Это что такое? Я уже забыл.

– Ну как можно забыть? Сын – сыночек.

– А, вспомнил. Значит так. Пирожок подойдёт?

– Подойдёт. Ещё?

– Пирожочек.

– Хорошо. А ещё?

Гришка крепко задумался:

– Пирожо... пирожооооо... пик?

Бабушка даже не нашлась, что ответить. Сидела молча и только выразительно моргала.

Мура всегда с волнением наблюдает, как Гришка с бабушкой делают уроки. Сначала бабушка терпеливая, а Гришка смиренный и исполнительный. Но по ходу занятий бабушка начинает жаловаться на давление, а Гришка ёрзает и скрипит стулом. Если у бабушки совсем кончается терпение, она уходит на кухню – пить чай.

– Надо остыть, – приговаривает она, отхлёбывая из большой кружки кипятка.

Гришка тем временем тоже остывает. Скачет кубарем по комнате или корчит смешные рожицы в окно. Гришка вообще весёлый. Если не заставлять его делать уроки. Особенно русский. Русский у него совсем не идёт.

– Такой же неспособный к языкам, как его отец, – жалуется бабушка, обмахивается журналом «Траволечение» и пьёт чай.

Муре жалко и её, и Гришку. Поэтому она утешает обоих, как умеет. Сегодня подарила Гришке синий карандаш, а бабушке – красный. Карандашей в коробке много, двадцать

восемь штук. Хватит надолго. Когда карандаши закончатся, она ещё что-нибудь примирительное придумает.

Пока бабушка пьёт чай, Мура развлекает её разбором слов. «Хлеб» у неё от «хлебницы», а «баранки» от «барашков». Она водит глазами по кухонным полкам, подыскивая новые предметы. Цепляется взглядом за глиняную фигурку козы, цепенеет.

– Бабуль, – пронзённая догадкой в самое сердце, шепчет Мура. – «Коза» от слова «козявки»?

Бабушка отставляет чашку с чаем и выразительно моргает. Потом тяжело встаёт, вытаскивает из холодильника пузырьёк с валерьянкой и капает себе полчашки капель.

– Приехали, – говорит она. – И эта в Володю. Хоть он ей и не отец.

Володя – это бабулин сын. И Гришкин отец. Муре он не родной папа, а приёмный. Мама у Муры своя. А папы нет. Когда Муре было три года, её мама и Гришкин папа поженились. И у Муры от этого получилась большая семья – мама, папа, Гришка, бабушка и дедушка.

Папу своего Мура не помнит – она была слишком маленькой, когда родители расстались. Папа переехал в другой город и перестал отвечать на звонки и письма.

Бабушки с дедушкой у Муры тоже никогда не было. Потому что мама выросла в детском доме. Это такое место, где живут дети без родителей.

Гриша не понимает, как родители могут отказываться от

своих детей. Мура тоже этого не понимает.

– Хорошо, что наши мама с папой поженились, да, Гришка? – говорит она.

Гришка щёлкает её по носу и улыбается.

– Конечно, хорошо.

Раньше у Гришки не было мамы. То есть она когда-то была, но потом заболела и умерла. И Гриша какое-то время жил у бабушки с дедушкой. Потом, когда папа Володя женился на маме Муры, они забрали Гришу к себе. И зажили большой семьёй. Гриша называет Мурину маму мамой Тоней. А Мура называет Гришкиного папу папой Володей. И свою маму называет мамой Тоней. Чтобы быть как Гришка.

А вот ещё про имена. Гришку на самом деле зовут Григорием. А Муру – Марусей. Но все их называют Гришкой и Мурой. Потому что так ласково звучит.

Родители сейчас в отъезде. Уехали на полгода в Тюмень – работать в большой компании. Правда, полгода почти уже прошли, осталось всего ничего до их возвращения.

За Мурой и Гришей всё это время приглядывали бабушка и дедушка.

Про маму Тоню, папу Володю и бабушку вы уже немного знаете.

А про дедушку в следующей главе написано, в этой не уместилось. Переворачивайте страницу.

Глава 2

Дедушка и прочее хозяйство

Дедушка живёт в деревне, в одноэтажном деревянном доме. Дом старенький, но очень уютный. С пыльной мансардой и крохотной скрипучей верандой. Раньше бабушка тоже там жила, но, когда папа Володя с мамой Тоней уехали в Тюмень, она переехала к внукам. А дедушка остался в деревне. Кому-то ведь надо приглядывать за хозяйством.

Хозяйство у дедушки большое: огород, яблони, смородина. Ну и живности тоже много – восемь кур, петух Сергеич, коза Валентина и пёс Толик.

Если у Гришки случаются каникулы, бабушка отпрашивает Муру в садике, и они уезжают в деревню. И деду помочь, и свежим воздухом надышаться. Детям эти поездки очень нравятся. Гришке потому, что не надо в школу ходить. А Муре потому, что ей вообще всё нравится. Кроме манной каши. Но это можно как-то пережить.

Мама Тоня про дедушку с бабушкой говорит «нашла коса на камень». А папа Володя называет их «война и мир». Кто из них война, а кто мир, не очень понятно. Но ясно одно – врозь они друг по другу скучают, а когда оказываются рядом – начинают ссориться. По всяким пустякам. Притом ссорятся они по-разному. Бабушка выговаривает дедушке громко, с чувством, с расстановкой. Загибая пальцы и призывая в

свидетели небесные силы. А дедушка молчит-молчит, потом не вытерпит, скажет «мхм» и выйдет из дому, оглушительно хлопнув дверью.

– Вот и весь разговор! – разводит руками бабушка и садится пить чай. Остывает. – Этот человек мне снова всю душу вынул! – говорит она про дедушку.

Бабушка всегда называет его «этот человек», когда сердится. Если очень сильно сердится, называет «старый пень». А когда совсем не сердится, называет Ванечкой.

Зато дедушка называет бабушку по имени. Зиночкой. Ну, или Зинаидой, если они совсем чего-то не поделили.

Мура с Гришей относятся к ссорам взрослых с пониманием. А как ещё относиться, когда каждый из них по-своему прав? Вот, например, дедушка. Поехал на птичий рынок за канарейкой. Нет, сначала они с бабушкой, по своему обыкновению, поссорились.

– Зачем канарейка в деревне? – выпрашивала у него бабушка.

– Хочу певчую пичужку, – объяснил дед.

– Кругом лес! Тебе мало пения лесных пичужек?

– Мхм!

– Не ну ты мне объясни! – не унималась бабушка. – Зачем тебе, старому пню, канарейка? Ей ведь клетку надо купить, поилку. Витамины, небось, какие-то специальные. Тебе что, деньги некуда девать?

Дед помолчал-помолчал, потом сказал: «Зинаида!», надел

пиджак и уехал в райцентр.

Вернулся он оттуда смирный, без канарейки. Зато с козой.

– Нечаянно купил, – смущённо почесал он в затылке. – Даже сам не понял, как это получилось. Смотрю – стоит. Белая, с рожками. Ну, я и не вытерпел.

Бабушка накапала себе валерьянки и пошла знакомиться с пополнением в хозяйстве. Коза глянула на неё своими жёлтыми глазами, вежливо мемекнула, покивала головой, здороваясь.

– Ишь какая, – хмыкнула бабушка.

Назвали Валентиной.

Теперь коза живёт в курятнике. Дедушка выделил ей небольшой угол, загородил сеткой, чтобы куры туда не ходили, подстелил опилок, чтобы мягко было спать. Одно время Валентина гуляла по деревне и паслась, где ей вздумается, но после того, как она случайно обглодала крыжовник председателя сельсовета, одну её на выпас не выпускают.

Председатель, обнаружив обглоданные кусты, напрямик пришёл ссориться с бабушкой и дедушкой. Дедушка сразу перед ним извинился. Но председатель всё не мог успокоиться и требовал, чтобы козу забили. Чем вывел из себя бабушку.

– Я лучше тебя забью, ясно? – рассердилась она. – Ни стыда ни совести. Чисто Саруман¹.

– Какой Саруман? – опешил председатель.

¹ Злой маг из «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкиена.

– Известно какой! – отрезала бабушка.

Председатель поперхнулся на полуслове, пожевал губами и ушёл. С тех пор бабушка его недолюбливает. Не может простить, что он требовал забить Валентину.

Так вот, возвращаясь к ссорам взрослых. Гриша потом голову ломал, пытаясь сообразить, кто же всё-таки был прав.

– Наверное, бабушка была права? Ведь дед послушался её и не купил канарейку, – предположил он.

– Ага, – кивнула Мура.

– Но с другой стороны, он ведь не зря съездил в райцентр. Вон, козу купил. Значит, и дед был прав?

– Ага! – с готовностью согласилась Мура.

Так и не поняли, чью сторону принимать.

– Пусть дед с бабулей сами разбираются, – решил Гриша.

Поездка к дедушке – не только удовольствие, но и работа. У каждого в хозяйстве свои обязанности. Дед носит из колодца воду, топит баню, копает огород. Бабушка хлопчет по дому – убирается, готовит.

У Гришки самая ответственная обязанность – выгуливать Валентину. Выгуливает он её в ошейнике пса Толика. Чтобы она нечаянно ещё чего-нибудь запретного не обглодала. Валентина от ошейника делается несчастной и тащится еле-еле, кося жёлтым глазом на крыжовник председателя сельсовета.

За Гришкой и Валентиной, повизгивая от счастья, трусит дворовый пёс Толик. У Толика солидное имя – Глоке Науа-

ке. Так его папа Володя назвал. В честь ацтекского бога дождя. Ацтеки – это такие индейцы, которые живут в Америке. У них было много разных богов, а бога дождя звали Тлоке Науаке. Вот папа Володя и назвал в его честь пса. Потому что нормальные собаки в сырую погоду нос из конуры не высовывают. А Толик бегает по двору и радостно облаивает каждую дождевую каплю.

Тлоке Науаке, конечно же, красиво. Но Толик звучит привычнее. Поэтому собаку все зовут Толиком.

Пока Гришка гуляет по посёлку с Валентиной, Мура занимается разными полезными делами. То за дедом хвостиком по огороду ходит, то бабушке истории рассказывает, пока та с обедом возится. А то вообще опыты над животными ставит. Например – кормит кур картофельными очистками. Правда, куры наотрез отказались есть сырую картошку. Они поклевали её, скривились и ушли гулять по участку, чего-то там клопоча себе под нос. В общем, опыт провалился.

С забора за курами наблюдает петух Сергеич. Сергеич настоящий зверь. Так его уважительно бабушка с дедушкой называют. По виду он, конечно, совсем обычный петух – гребешок там, клюв, большие крылья. Крепкие ноги со шпорами. Но характер у него о-го-го какой. Если Сергеич проснулся не в духе, соседям покоя не бывает. Потому что он склочно кукарекает с забора целый день. И затихает, только когда совсем охрипнет.

Иногда, правда, очень редко, Сергеич просыпается в хо-

рошем настроении. В такие счастливые дни он сидит на заборе нахохленный и зловеще молчит.

– Сил набирается, – говорит бабуля.

Жизнь в городе очень отличается от деревенской жизни. В городе находишься в постоянной беготне. А в деревне тишь да благодать. Ну, кроме всполошенного «кукареку» Сергеича, но к этому понемногу привыкаешь.

Дом у деда совсем небольшой – спальня и кухня. В спальне стоят две кровати. На одной спят бабушка с Мурой. А на другой – дед с Гришкой.

Мура спит как мышка. Свернётся калачиком, подложит под щёчку ладонь и моментально проваливается в сон. Бабушка прижимает её к себе, подтыкает одеяло, чтобы спину не надуло. И слушает, как на соседней кровати бьются дед с Гришкой.

Дед говорит, что Гришка спит, словно воюет. То локтем в бок заедет, то ногой наподдаст. Или же ляжет поперёк тебя, раскинет длиннющие руки, одним кулаком в нос заедет, а другим в колено. А колени у деда больные. Скрипят и ноют в дождливую погоду.

– С тобой, как на минном поле, – бурчит утром дед, – шаг вправо или влево – конец.

– Чего конец? – виновато сопит Гришка.

– Не чего, а чему. Жизни конец!

Гришка смущённо хихикает.

Вечерами Мура с дедушкой сидят на крыльце. Провожа-

ют солнышко. Дед говорит, что у его предков поморов так принято. «Поморы, – объясняет дедушка, – это люди, которые населяют север России, берег Белого моря. Оттуда они и поморы, что живут у моря».

– Скромные, работающие и достойные люди, – говорит дед.

Мура залезает к нему на колени, трётся щекой о колючую, пахнущую табаком бороду.

– Дед, а дед. Можно я тоже буду помором?

– Можно, – крикает дед.

Так и сидят, обнявшись, и провожают солнце.

Глава промежуточная

О рухнувших надеждах

Мура с Гришей знают эту историю наизусть, хотя случилась она давно, почти тридцать лет назад, когда папе Володе было столько же лет, сколько сейчас Гришке.

Дедушка всю жизнь мечтал о машине «москвич» оранжевого цвета. Но денег на неё никак не удавалось накопить. Они уходили на разные другие нужды. Сначала дом в деревне купили, забор поставили, баньку срубили. Затем пришлось на море каждое лето ездить, потому что маленький Володя болел. Море помогло, Володя прекратил болеть, и дед, наконец, вздохнул с облегчением.

Пять долгих лет он копил на машину. Но когда нужную сумму наконец-то удалось собрать, случилась большая денежная реформа, и все накопления пропали. На ту малость, что деду выдали в банке, можно было приобрести только бампер от машины «Москвич». Дед погоревал-погоревал, съездил в соседнюю деревню и купил свинью. И назвал её в честь своих рухнувших надежд Бампером.

Свиньи давно уже нет, но соседи до сих пор её помнят. И почтительно называют деда Егорыч, Хозяин Бампера.

Глава 3

Вася Прохвостов

Через месяц у Гриши наступят очередные школьные каникулы, и снова можно будет ехать к деду в деревню. Мура ждёт не дожждётся этого дня. А пока жизнь протекает как обычно – с утра бабушка будит внуков и собирает на выход. Муру в садик, а Гришу – в школу.

Мура просыпается легко, с полуслова. А Гриша спит до последнего. Пока бабушка не встанет над ним и не рявкнет: «Кому говорено, в школу пора!» А потом он сидит за столом, хмурый и недовольный, клюёт носом.

– Ешь, – говорит ему бабушка.

– Я готов круглые сутки спать, лишь бы в школу не ходить, – бурчит Гриша.

– Я тебе дам в школу не ходить!

– Мхм, – тоном дедушки говорит Гриша и откусывает от бутерброда такой огромный кусок, что остаётся одна горбушка.

У Гриши всегда хороший аппетит. Бабушка говорит, что он ест как не в себя. У Муры аппетит не очень. Но на фигуре это никак не отражается. Щёки у неё круглые, и пузо воинственно торчит. Вообще-то Мура этого не замечала, пока Васька Прохвостов не обозвал её толстухой. Мура сразу же полезла драться, но Васька кинул в неё кубиком и угодил в

лоб.

– Дурак, – сказала ему Мура и ушла в другой конец комнаты.

Раньше Мура очень любила садик. А теперь из-за Васьки не любит. Она бы тоже, наверное, круглые сутки спала, лишь бы не встречаться с Васей. Но что поделать, ходить туда нужно. Не оставлять же ребят лицом к лицу с такой бедой, как Васька Прохвостов!

– Ну ты и фрукт! – говорит Ваське Прохвостову детсадовская нянечка тётя Галя. А потом разводит руками, качает головой и растерянно цокает языком: – Тц-тц-тц!

Мурина группа искренне недоумевает, как можно такого мальчика, как Васька Прохвостов, называть фруктом? Будь на то воля Муриной группы, Ваську называли бы кирпичом. Или крокодилком. Или как-нибудь ещё, но чтобы обязательно противно. Манной кашей, например. Хотя это как посмотреть. Манная каша тумачи не раздаёт, плохими словами не обзывается и игрушки не ломает. В сравнении с таким мальчиком, как Васька Прохвостов, манная каша выглядит очень даже выигрышно. Поэтому если перед Муриной группой поставить выбор – манная каша или Вася Прохвостов, симпатии явно будут на стороне каши. Дети готовы есть её на завтрак, обед и даже полдник, лишь бы Васю Прохвостова перевели в другую группу. А лучше – в другой садик. Ещё лучше – в другую страну. И вообще идеально – на необитаемый остров. Потому что в другой стране тоже живут дети, и их

тоже жалко.

С виду Васька Прохвостов обычный мальчик – два глаза, два уха, две руки и две ноги. И пальцев у него столько же, сколько у нормального ребёнка. Пять. А, нет, десять. Или вообще двадцать, если ещё и на ногах посчитать. Только внешность бывает обманчивой. А в случае с Васькой Прохвостовым обманчивой настолько, что у детей нет-нет да и закрадывается сомнение – а вдруг всё-таки он не обычный мальчик? Вдруг под обликом обычного мальчика скрывается какой-нибудь зловредный инопланетный разум? Который прилетел на планету Земля затем, чтобы истребить всё живое в одной отдельно взятой детсадовской группе?

Мура отлично запомнила день, когда в садике появился Вася Прохвостов.

– У нас пополнение, – воспитательница Нина Григорьевна, широко улыбаясь, ввела в комнату высокого кареглазого мальчика. – Зовут его... – тут она сделала паузу, давая новенькому возможность представиться.

Новенький громко шмыгнул и утёр нос рукавом кофты.

– Вася! – укоризненно покачала головой Нина Григорьевна и протянула салфетку: – Возьми. И больше не утирай нос рукавом.

Мальчик немного подумал, ещё раз шмыгнул носом и утёр его теперь уже другим рукавом.

Так все узнали, что новенького зовут Васей.

Дети сначала обрадовались прибавлению в группе – им

как раз не хватало рук, чтобы правильно собрать из мелких деталей башню – она получалась слишком высокой и от этого упорно заваливалась набок.

– Поможешь? – попросили они Васю. – Подержать надо.

Вместо ответа Вася пнул башню. Башня упала и развалилась на части.

– Ты зачем её сломал? – спросил Федя. Он был так удивлён поведением нового мальчика, что даже растерялся.

– Затем, – ответил Вася и толкнул Федю. – Захочу – и тебя развалю.

– Ты чего дерёшься? – подскочил Миша.

– Ня-ня-ня ня-ня ня-ня! – передразнил противным голосом Вася. – Хочу и дерусь! – И двинул Мишу в бок.

Через секунду мальчики катались по полу, увлечённо мутузя друг друга.

– Нина Григорьевна! Нина Григорьевна! – зашумели дети. – А новенький дерётся!

Нина Григорьевна и нянечка тётя Галя подросли к тому моменту, когда Вася, сидя верхом на Феде, колотил его кулаками в спину, а Миша пытался оттащить его в сторону.

– Стоять! – крикнула тётя Галя хорошо поставленным басом дрессировщика клыкастых хищников и попыталась отколупать Васю от Феде.

Отколупываться Вася не желал. Тёте Гале пришлось изрядно попотеть, чтобы его уговорить. Но Вася не успокаивался, он размахивал руками и ногами и случайно угодил

пяткой в колено тётё Гале.

– Ах! – ахнули дети.

– Ох! – охнула тётя Галя, выпустила Васю и побежала на кухню – выпрашивать у повара что-нибудь из морозилки, чтобы приложить к ушибленному месту.

Нина Григорьевна отругала всех, но особенно – Федю с Мишей и новенького Васю. Федю с Мишей за то, что они вдвоём полезли на одного, а Васю за то, что он дерётся.

– Он первый начал! – попытался добиться справедливости Федя. – Мы его вообще не трогали, мы поиграть его позвали. А он нашу башню развалил!

– Слышать ничего не хочу! – отрезала Нина Григорьевна. – Во-первых, разваленная башня – не повод для драки. Во-вторых... – тут она повернулась к Васе. – Ты зачем башню развалил?

– Не знаю, – шмыгнул носом Вася.

– Вот и подумайте каждый над своим поведением! – заключила Нина Григорьевна.

Объяснять воспитательнице, что разваленная башня – это о-го-го какой повод для драки, особенно когда вы её любовно, деталька к детальке, собирали всё утро, дети не стали. Всё равно не переубедят.

Но в одном они были согласны с воспитательницей – лезть в драку всем на одного нечестно. Да и вообще драться нечестно. Зачем размахивать кулаками, когда можно решить всё на словах?

Поэтому Федя с Мишей покрутились-покрутились и снова подошли к Васе – мириться.

– Хочешь поиграть с нами?

– Нет, – отрезал Вася. – Я с вами не дружу.

И пошёл отбирать куклу у Светы Петровой. А чтобы та не задавалась, дёрнул пребольно её за косички. Два раза, по числу косичек. Света Петрова подняла такой крик, что собрала вокруг себя весь садик. Даже повар прибежал. С пакетом замороженных куриных грудок. На случай, если вдруг ещё кому-нибудь нужно холодное к ушибу приложить.

Нина Григорьевна отругала Васю и поставила его в угол на пятнадцать минут. Как ни странно, на протяжении этих пятнадцати минут он вёл себя тихо, даже ни разу не шелохнулся. Правда, потом, когда время вышло, всем стала понятна причина его мирного поведения. Вася просто отдирал штукатурку со стены, и к тому моменту, когда закончилось его наказание, добрался до бетонной плиты. Он бы, наверное, и бетон навывлет исколупал, если бы его оставили в углу на пять минут дольше.

– Ну ты и фрукт! – выдохнула тогда впервые тётя Галя.

Знала бы она, как часто придётся повторять эти слова!

Занятие по лепке Вася сорвал на первой же минуте – подложил большой ком пластилина под Серёжу Потапова. Серёжа с размаху сел на пластилин и испачкал себе брюки. Тётя Галя быстро отстирала пятно и повесила брюки сушиться на батарею отопления. А потом тщательно отскребала со сту-

ла пластилин. Пока брюки высыхали, Серёжа Потапов ходил по игровой комнате в пижамных штанах и душераздирающе вздыхал. На всякий пожарный случай, чтобы Вася ему ещё чего не подложил. Вася сидел нахохленный и лепил большую чёрную пушку.

За обедом намученная опытом тётя Галя сидела рядом с Васей и следила, чтобы он чего-нибудь не вытворил. Вася заметно скучал и нервничал. Но вытворить ничего не мог – тётя Галя с него глаз не сводила.

Потом настал тихий час. Заснули все, даже те, которые никогда днём не засыпали. Даже тётя Галя уснула на соседней с Васей кровати. Просто дети и воспитатели так устали от выходов новенького мальчика, что сильно нуждались в отдыхе.

После сна Вася принялся с удвоенной силой терзать своих одноклассников. К тому времени, когда за ним, наконец, пришли, выдохлись все – и Нина Григорьевна, и тётя Галя, и вся группа.

– Нам нужно поговорить о поведении вашего сына, – обратилась к мужчине, который пришёл забирать Васю, Нина Григорьевна.

– Ну что вы, это не мой сын! – замахал руками и даже испугался мужчина. – Я водитель Васиного папы.

– Вы можете передать родителям Васи, что мне надо поговорить с ними?

– Я-то передам. Но они вряд ли придут. Очень занятые

люди, даже в выходные работают. Лучше позвоните Васиной маме. Вот её визитка.

Нина Григорьевна задумчиво повертела визитку в руках.

– А кто же тогда Васей занимается?

– Няни. Только они часто меняются, потому что не выдерживают. Мальчик-то особенный, совсем неугомонный, – тут водитель горько вздохнул.

Нина Григорьевна понимающе закивала.

– Когда увольняется одна няня, вожусь с ним я, пока другую не найдут, – ободренный её кивком, продолжил водитель. – Мы же, – тут он понизил голос, – пятый садик меняем. Пятый! Нигде дольше месяца не задерживаемся.

– Так! – сказала Нина Григорьевна, когда взмыленный водитель, кое-как натянув на Васю ветровку, вывел его из раздевалки. – С этим надо что-то делать.

– Может, он и у нас не задержится? Уж месяц мы как-то потерпим, а? – с надеждой шепнула нянечка тётя Галя.

– Ну уж нет! Я этого так не оставляю! – отрезала Нина Григорьевна и ушла советоваться с детсадовским психологом Анной Гавриловной.

Мура всю дорогу рассказывала бабушке о Васе. Бабушка сначала выслушала её, а потом давай возмущаться.

– Завтра поговорю с Ниной Григорьевной, – пыхла она. – Не страдать же вам оттого, что Вася не умеет себя вести!

Но вечером позвонили мама Тоня с папой Володей, и, ко-

гда бабушка поведала им о Васе, они попросили её не вмешиваться в эту историю.

– Мальчик попал в незнакомую среду. Дайте ему время пообвыкнуться, – сказал папа Володя.

– Хорошо. Дадим ему три дня.

– Неделю!

– Ладно, неделю, – нехотя согласилась бабушка.

На том и порешили.

Глава 4

Бабушка грозитя кузькиной матерью

«Неделя – это очень долго», – думала утром Мура, собираясь в садик.

Дворник Касим с таким остервенением шкрябал по тротуару метлой, что слышно было аж на восьмом этаже. Мура прижалась носом к оконному стеклу, понаблюдала за ним. Вздохнула, пошла чистить зубы.

Консьержка Римма Петровна, водрузив на корявый нос крохотные очки, внимательно читала объявления на последней странице журнала. Заметив выходящих из лифта Муру с бабушкой и Гришей, она распахнула окно своей комнатухи.

– Зинаида Андреевна, как вам это нравится? «Потомственная ведунья в восьмом поколении матушка Аглая вылечит язву двенадцатиперстной кишки и другие заболевания опорно-двигательного аппарата за один сеанс магии и колдовства».

– Очень не нравится, – хмыкнула бабушка.

– И ведь кто-то попадаетея на такие идиотские объявления!

– Идиоты и попадаются.

Римма Петровна кивнула и, посчитав беседу законченной, захлопнула окно. Но возмущаться не перестала.

- Бу-бу-бу-бу-бу, – раздавалось из её комнатухи.
- Бабуль, а чего вы так рассердились? – спросила Мура.
- Развелось шарлатанов, вот и сердимся.
- А что такое шарлатаны?
- Обманщики.
- А-а-а, – протянула Мура, – понятно.

Гришка помахал им рукой и скрылся за воротами школы.

Над многоэтажным домом, что возвышался за парком, кружила целая стая большекрылых голубей. Мура понаблюдала за их полётом, вздохнула.

- Бабуль, ты бы хотела летать?
- Не знаю. Наверное, хотела бы.
- Вот и я бы хотела.

Светофор моргнул жёлтым, переключился на красный. В специальном окошке для пешеходов весело зашагал зелёный человечек.

– Пошли. – Бабушка шагнула на пешеходную линию, потянула за руку Муру.

– Вот если бы мы умели летать, то не стали бы дожидаться, пока включится светофор. Просто перелетали бы дорогу, – мечтательно закатила глаза Мура.

– Тогда бы, наверное, придумали правила полёта по городу? – предположила бабушка.

– Это как?

– А вот как. Представляешь, если бы все люди разом взлетели? Наверху негде было бы протолкнуться. Поэтому если

бы мы умели летать, то и в воздухе висели бы светофоры.

Мура представила потоки летящих над головой людей, светофоры, которые, мигая огнями, пропускают то тех, то этих...

– Всё равно было бы здорово!

– Наверное, да, – согласилась бабушка.

– Интересно, Вася и в воздухе бы себя плохо вёл?

Бабушка издала очень странный звук. Словно из неё разом выпустили весь воздух.

– Сколько дней прошло после нашего с Володей телефонного разговора?

– Три.

– Подождём до пятницы, а там я покажу родителям Васи кузькину мать.

Мура похолодела. Если бабушка грозитя показать кузькину мать, то дело заканчивается скандалом. Как в тот день, когда в дверь квартиры позвонили какие-то тётеньки с подозрительно честными глазами и предложили купить за пятьсот рублей лекарство от тараканов. Бабушкина кузькина мать в тот день гремела аж на все восемь этажей, которые тётеньки преодолели за рекордно короткое время, не дожидаясь лифта.

Муре стало страшно за маму и папу Васи. Хоть они и родили противного мальчика, но кузькиной матери всё равно не заслужили.

– Может, обойдётся? – нерешительно предположила Му-

ра. – Может, Васе занятия с Анной Гавриловной помогут?

Анной Гавриловна – садиковский психолог. Вот уже три дня она занимается с Васей. Правда, пока без особых результатов. Вася как третировал свою группу, так и продолжает третировать. И останавливаться на достигнутом не собирается.

– Там посмотрим, – хмыкнула бабушка.

Скоро показался высокий забор детского сада. Кругом было пустынно и совсем тихо.

– Кажется, мы сегодня первые, – сказала бабушка.

Но она ошиблась. Впритык к воротам стояла большая чёрная машина. Мура сразу её узнала – на ней привозили и увозили Васю. Обычно водитель сопровождал его наверх. Но сегодня он почему-то переминался с ноги на ногу у ворот.

– Здравствуйте, – звонко поздоровалась Мура.

– Доброе утро, – отозвался водитель. И зачем-то добавил: – И вам не хворать. – А потом засуетился, распахнул калитку: – Проходите.

– Спасибо, – поблагодарила бабушка.

– Там наверху мама Васи, – зачем-то сообщил водитель.

И смутился.

– Мама Васи? – нехорошо прищурилась бабушка. – И что она там делает?

– Разговаривает с воспитательницей.

Бабушка пожевала губами.

– Мура, я, пожалуй, не стану заходить к вам. От греха по-

дальше.

– Хорошо, бабуль.

Мура чмокнула бабушку в мягкую щёку и заспешила наверх. Ей не терпелось взглянуть на маму Васи. Интересно, как выглядят женщины, у которых получаются такие зло- вредные сыновья?

Глава 5

Счастливая развязка

Васина мама была очень похожа на сына. Такая же крупная, круглолицая, с высоко вздёрнутыми бровями. Она стояла посреди раздевалки и пахла сладкими духами. Мура потянула носом, чихнула.

– Вы должны уделять больше внимания сыну, – говорила маме Васи Нина Григорьевна. При виде Муры она оборвала себя на полуслове, поздоровалась, подождала, пока та переоденется и уйдёт в игровую комнату.

– Но мы много работаем, у нас нет времени, – сердито ответила мама Васи. Она говорила так громко, что слышно было даже за закрытой дверью.

– Пожалуйста, тише. Я бы не хотела, чтобы наш разговор слышали дети.

– А я не умею по-другому!

Вася притаился за дверью и делал вид, что ему совершенно безразличен разговор взрослых. А чтобы никто не сомневался в его безразличии, он разрисовывал дверь цветными мелками. Сколько хватило роста.

Мура пригляделась. Вася нарисовал вражеский самолёт. Самолёт летел по небу и отплёвывался тяжёлыми чёрными бомбами.

– Он потому такой ершистый, что... – Нина Григорьевна

на минуту подняла голос, а потом, спохватившись, снова перешла на шёпот.

– Не выдумывайте. У него всё есть! – прогромыхала мама Васи.

Нина Григорьевна заговорила быстро, но ничего, кроме «проще откупиться», которые она повторила несколько раз, дети не расслышали.

Мура немного подумала и решила завести разговор с Васей. Чтобы отвлечь его от беседы взрослых. А то, судя по количеству бомб, выпущенных самолётом, беседа Васе явно не нравилась.

– Давай я помогу тебе смыть рисунок, – предложила она.

– Ещё чего!

– Тебя ведь снова отругают.

– Ну и пусть!

– На двери нельзя рисовать.

– А мне можно. Мне вообще всё можно.

Мура ушла в туалетную комнату, намочила и тщательно отжала тряпку, которой тётя Галя мыла подоконники. Вернулась к Васе.

– Давай я всё-таки сотру рисунок. А то тебя в угол поставят.

Вася промолчал, но подвинулся, чтобы Муре было легче смывать рисунок. Мура сильно удивилась, но не подала виду.

– У тебя есть книга про динозавров? – спросила она.

Вася ничего не ответил. Он угрюмо наблюдал, как влаж-

ная тряпка стирает самолёт с бомбами.

– А знаешь, кто самый страшный динозавр? – как ни в чём не бывало продолжила расспросы Мура.

Вася недовольно фыркнул, отобрал у неё тряпку и сам домыл дверь. Попинал ножку стола. Громко почесал себя в живот.

– Ну и кто самый страшный динозавр? – наконец не выдержал он.

– Тираннозавр, – с готовностью откликнулась Мура. – Он очень кровожадный и ужасный. А знаешь, кто самый большой динозавр?

– Знаю.

– Кто?

– Ну, такой, зелёный. С длинной шеей.

– Амфицелия.

– Ага, амфицелия.

– А самый маленький?

– Не знаю.

– Компсогнат! Он ростом с обычную собаку.

У Васи вытянулось лицо.

– Как ты эти трудные слова запоминаешь?

– нравятся, вот и запоминаю. Правда, я всего три таких слова знаю. Тираннозавр, амфицелия и компсогнат. Другие запомнить не могу.

Вася подумал.

– А ты смотрела мультик «Мама для мамонтёнка»? Там

мамонтёнок потерялся и искал свою маму? – спросил он.

– Смотрела, ага.

К тому времени, когда стали приходиться другие дети, Мура с Васей успели обсудить все свои любимые мультики. Мура тихо радовалась тому, что Вася сегодня не такой, как обычно. Оказывается, он вполне себе нормальный мальчик. Если увлечь его интересным разговором.

К сожалению, покладистость Васи закончилась ровно в тот миг, когда в комнате появились остальные ребята. В его голове словно щёлкнул какой-то переключатель, и он снова принялся задирать всех и отбирать игрушки. Но теперь Вася делал это не с обычным энтузиазмом, а словно по привычке. А потом вообще помог Свете Петровой пристегнуть застёжку на сандалии. Света так удивилась, что несколько секунд простояла с широко разинутым ртом. А потом всё-таки очнулась и поблагодарила Васю. Вася дёрнул её за косичку, чтоб не задавалась, правда, небожно дёрнул, и только за одну косичку, а потом принялся носиться по комнате и биться плечом то в одну, то в другую стену.

– Посторонись! – кричал он. – А то зашибуу!!!

Пока дети под бдительным оком нянечки тёти Гали собирались в игровой комнате, с Васиной мамой общалась психолог Анна Гавриловна. Разговор получился тяжёлый – Васина мама не соглашалась с тем, что её сыну не хватает внимания и любви родителей.

– Мы его любим! Мы для него всё делаем! Мы даже рабо-

таем так много потому, что хотим ему обеспечить нормальное будущее! – твердила она.

– Поймите меня правильно, – говорила ей ровным голосом Анна Гавриловна. – Ребёнок нуждается в общении с вами. Никакие няни, никакие игрушки ему вашу любовь не заменят.

– Но мы очень стараемся...

– Значит, недостаточно стараетесь! Обнимайте чаще Васю, говорите, как сильно вы его любите. Проводите с ним выходные. Чем больше вы вложите в него любви, тем счастливее будет ваш сын.

– Я подумаю, – поджала губы мама Васи.

– Здесь не думать надо, а действовать, – Анна Гавриловна встала, протянула ладонь. – До свидания.

Васина мама пожалала протянутую руку психолога и молча, не попрощавшись, вышла из кабинета.

– Ну как? – заглянула в кабинет Нина Григорьевна.

– Надеюсь, я до неё достучалась.

Когда Нина Григорьевна вернулась в группу, дети завтракали овсянкой, бутербродами с сыром и какао.

– Поговорили? – спросила шёпотом тётя Галя.

– Поговорили.

– Как успехи?

– Не знаю. Поживём – увидим.

День прошёл как обычно – занятия по математике (Вася сломал три карандаша, просто так, ради интереса, чтобы

узнать – сломаются они или нет). Прогулка (Вася взобрался на дерево, чтобы скинуть оттуда кормушку для птиц, зацепился за ветку штанами и, если бы не вовремя подоспевшая воспитательница, рухнул бы на землю и переломал себе руки-ноги). Обед (Вася вышиб стул из-под Серёжи, хорошо, что Серёжа успел уцепиться за край стола и не упал). Тихий час (тётя Галя периодически заглядывала в спальную комнату и каждый раз удивлялась, до чего же мирный вид у спящего Васи). Полдник (Вася вылил остатки кефира за шиворот Пете Романову, пришлось тёте Гале, по привычке ругая Васю фруктом, отмывать пострадавшего и его футболку).

А потом все вздохнули с облегчением, потому что за Васей пришёл папа. Настоящий. Высокий, худой, в костюме и галстук. С пятью воздушными шарами-уточками на разноцветных ленточках. Вася был так удивлён, что даже не взглянул на уточек. Он какое-то время замороженно смотрел на отца, словно не веря своим глазам, а потом молча надел ветровку. Сам.

– Сегодня мы пойдём домой пешком, – сказал ему папа. И посмотрел на Нину Григорьевну так, словно сдаёт ей экзамен.

Нина Григорьевна незаметно кивнула.

– Совсем пешком? – не поверил ушам Вася.

– Совсем. Прогуляемся, поговорим о том о сём. Поедим мороженое. Ты какое любишь?

– Любое! – быстро ответил Вася и взял папу за руку. –

Пошли.

Дети наблюдали в окно, как они идут по детсадовскому двору. Вася вертелся, скакал на одной ножке и сыпал вопросами, но руки отца не выпускал. Утки на ленточках подпрыгивали в такт его подскокам и весело переливались на солнце. Папа сначала чеканил шаг, потом расслабил узел галстука, снял пиджак и перекинул его через локоть.

– Ты знаешь, кто самый страшный динозавр? – долетел до ребят голос Васи.

– Налоговый инспектор?

– Ну, пап!

Мура смотрела вслед Васиному папе и тихо радовалась. Он такой худенький и несчастный, и голова вся в лысине. И уши большие, как у мамонтёнка из мультика. Такой бы точно бабушкину кузькину мать не пережил. «Хорошо, что всё обошлось», – думала Мура и с умилением наблюдала, как над Васей и его папой весело перемигиваются воздушные уточки.

«Бабай» и другие истории Юка Лещенко

Бабай

Мама, когда сердилась, всегда говорила так:

– А не будешь слушаться, придёт ужасный бабай и заберёт

тебя.

И мальчик понимал, что надо, надо скорей съесть кашу, помыть руки, убрать игрушки, перестать кривляться, не трогать конфеты. У мальчика было очень много трудов в его маленькой жизни. Перед сном мама целовала его в сладкую макушку и говорила:

– Засыпай быстренько, а то бабай придёт.

Когда под закрытой дверью исчезала жёлтая полоска света, мальчик сползал на пол и заглядывал под кровать.

– Пришёл? – спрашивал он.

– Ну, пришёл, – отвечал ужасный бабай шёпотом.

– Поиграем? – спрашивал мальчик.

– Ну, поиграем, – соглашался бабай.

И они так играли, что у торопливо тенькающих часов стрелки залипали на полуночи, и время растягивалось, как июльская сосновая смола, из ковра выростали горы, и плюшевые медведи бродили по лесам, а в пенном море одеяла поднимался такой шторм, что корабль трещал и шёл на дно, но подушковый кит спасал от верной гибели, высаживал на северном острове, где в полированной пещере гномы прятали в носках несметные сокровища. И мальчик кричал:

– Йо-хо-хо!

А бабай говорил сердито:

– Тише, ты что. А то придёт мама и заберёт тебя.

Заячий пирог

Сижу с компрессом, облепленная ватой, пропитанная спиртом, завёрнутая в целлофан, под носом кружка с горячим, масляной пенкой набухающим чаем, и бабушкины руки пахнут аптекой, на указательном – рыжий йодовый след, на мизинце зелёнка.

– Ну, пей уже.

Я умею выпадать из плохих минут, главное, зажмуриться до звёздочек, скукожиться и вот чтобы носки не кусали пятки. Душно, влажно, пневмония, и по стенам ходит страшное – караморы на длинных лапках, шерстяной пучеглазый бабай, вытянутое лицо фонаря – жёлтое с зелёным, главные цвета болезни.

– Ну, пей, пей, скоро дедушка придёт.

Я знаю, дедушка идёт к нам через лес – в лесу живут морщинистые сосны, белка, чужие дядьки и ягода земляника, потом через поле – летом поле цветёт гречихой и жужжит пчёлами, а зимой там бегают куропатки – такие птицы в крапинку, раньше их ели, теперь едят кур, они всё равно некрасивые.

Дедушка идёт с работы, у него чёрный портфель с блестящей, как будто солёной застёжкой, дедушка никого не боится. Когда дедушка доходит до полянки – от неё три дорожки вверх, одна к нам, – из тучи выползает луна, я знаю, что она

не из сыра, но ночью так вкусно прикусить её плавающий в окне краешек – зубам холодно и язык в пупырышках.

Дедушка останавливается возле пенька – под ним живут мурашки, если засунуть к ним палочку, а потом облизать, будет кисло, тоже хорошо. Дедушка говорит в темноту:

– Я тут.

Из-за пенька выходит заяц, ну, заяц – настоящий, только в серой шубе, они летом всегда переодеваются в серое.

– Юленька хорошо себя вела? – спрашивает заяц строго, прямо как бабушка.

– Хорошо, – говорит дедушка, он немножко врёт, но это не страшно.

– И все лекарства выпила? – снова спрашивает заяц и прядает мягким ухом.

– Все, все, – говорит дедушка и складывает указательный и средний крестиком, чтобы враньё не считалось.

– И чай? – удивляется заяц. – Горячий масляный чай? С мёдом?

– Да, – выдыхает дедушка, он настоящий октябрёнок и не сдаётся. – Почти всё, на доньшке осталось.

– Ах, какая хорошая девочка! – говорит заяц и улыбается, и лапкой закрывает зубы – просто зайцы боятся стоматологов, прямо как я, и никогда к ним не ходят – ни даже на минуточку просто посидеть в клеёнчатом кресле. – Раз она такая умница, я передам ей что-то секретное, что-то очень вкусное.

– Спасибо, – говорит дедушка и прячет в портфель пакет. – До завтра.

– Ладно, – отвечает заяц, – там видно будет.

Дедушка идёт дальше по тропинке – сосновые иголки поют под ботинками, где-то в папоротнике топают ёж, и звёзды такие чисто вымытые, что прямо поскрипывают...

– Ну, пей, – снова говорит бабушка и смотрит на часы. – Пять минут осталось.

Компресс прилип, караморы смотрят сердито. Я вылуциваюсь из одеяла и в пять огромных, торопливых – в горле щёлкает и ухаёт, как сова, – глотков выпиваю чай.

– Молодец, – говорит бабушка.

И я слышу шкряб-шкряб-шкряб ключа в замочной скважине, покашливание, шелест пакета.

Дедушка снова прошёл через лес – он протягивает мне крошащийся треугольник пирога, с изюминами, с сахарной корочкой, с прилипшей сосновой иголкой.

– От зайца? – спрашиваю я шёпотом.

– От зайца, – шепчет дедушка. – Только он сказал...

– Он сказал – ещё чая, – киваю я, я знаю правила, я часто болею.

Дедушка дует на лампу – и та гаснет. Когда-нибудь я тоже так научусь. А пока у меня есть заячий волшебный пирог. Самое удивительное, что бабушка печёт такой же – но у заячьего совсем другой вкус.

Дизель до Африки

Они встречаются на занозистой скамейке – вокруг трава, июль, щекотный стрекот кузнечиков, сзади улица с мелкими, заборами забранными домами, впереди рельсы, нагретые солнцем, горячие серебряные ручейки, окуни палец – пройдет насквозь, слева – переезд с усатой теткой, машущей прощально флажком каждому поезду, справа – соседские козы Маня и Саня, пёстрые и бодучие поедательницы васильков, ромашек, промасленных газетных обрывков, сверху – небо, синее синего, внизу – земля, щебёнка, подорожник, четыре болтающиеся сандалии, муравьиная дорожка, надкушенная груша и бутылочные осколки.

– Ты своим сказала?

– Ещё чего. А ты своим?

– Я записку написала.

– Ну и дурища. Ей-божечки, дурища! И зачем я с тобой связалась?

– Сама дурища. Я её спрятала в шубу, в карман.

За рельсами оплывает – как кремовая башенка на торте – здание вокзала. Там в буфете тёплый «Буратино» и набитые белым холодом вафельные стаканчики, липкие перила, очереди в кассы с недостижимо высокими окошками, хлопающие двери, бесхозная собака Шнырик, и кто-то обязательно ест пупырчатую куриную ногу, а кто-то спит, страшно смяв

лицо в сгибе руки.

– У тебя сколько?

– Рубль двадцать пять. А у тебя?

– Целых два.

– Думаешь, нам хватит?

– Ну что ты дёргаешься? Испугалась – так и скажи.

– И ничего не испугалась. А вдруг там контролёр?

– А мы скажем – родители пошли в соседний вагон к зна-

КОМЫМ.

– А вдруг там милиционер?

– Ну и что, мы же не пьяницы и не воры какие-нибудь.

– А вдруг там... Вдруг там цыганы с мешком?

– Цыганы днём не заберут, что они, придурошные?

– А вдруг там хулиганы?

– Хулиганы в дизелях не ездят.

Проползает длинный товарняк, погромохивая цистернами с чем-то опасным, гудя, проезжает дрезина. Семафоры смаргивают с жёлтого на красный. Прибывает мариупольский, потом – минский, в окнах скучные лица, плещутся занавески, стоянка десять минут, дядьки в шлёпках бегут за пивом, им командуют вслед – семачек купи, мужчина; местные старушки в цветастых халатах продают пирожки, бумажные, в красных и чёрных подтеках кульки с паречкой и черникой, молодую картошку, пучеглазых чебурашек с шерстяными влажными ушами и духи «Ароматы полей». Отбывает минский, прибывает сочинский.

– А скажи ещё раз, как мы поедем.

– Я сто раз говорила уже – дизелем!

– И что?

– И всё. Сначала до Будо-Кошелёва, потом до Гомеля, а потом уже Африка.

– А дедушка говорил, они только до Гомеля идут.

– Это обычные – до Гомеля. А наш – до Африки. Главное, его не пропустить.

Сочинский отбывает, тяжело виляя хвостом. На переезде поднимается шлагбаум, и усатая тётка уходит в свою будку пить чай, не выпуская из рук жёлтый флажок. Небо бледнеет – как будто его штрихуют белым мягким карандашом. На колёно садится божья коровка. С улицы, где за заборами пионы, помидоры, брезентовый гамак и фантиком от ириски заложенная книжка, кому-то кричат: «Юлька, обедать, суп стынет!»

– Твоя бабушка.

– Да слышу я!

– Ну, так что, пойдём?

– Пойдём.

Они отлепляются от скамейки, обходят опасных коз, крапиву и канаву с остатками вчерашнего ливня.

– Не реви! Подумаешь – не успели. Завтра уедем.

– Честное октябратское?

– Да чтоб мне не сойти с этого места!

У кромки асфальтовой дороги они оборачиваются. Крас-

ный дизель, перестукивая, медленно уходит на мост – через Днепр, через овраги, деревни, кукурузные поля, перелески и дальше, дальше – до самой Африки.

Секретная рыба

Рано утром вставать неохота. Под одеялом тепло, ухо прижимается к подушке, там немного щекотно и колко от вылезшего пера, сон внутри висит на ниточке, специальный июльский сон, тревожный и сладкий, но дедушка дует в другое ухо и говорит – пора, вставай, проспичь свою рыбу.

Юлька брыкается, сонная ниточка рвется, какие-то мягкие мятные шары улетают и лопаются в висках, она открывает глаза, вокруг серенько, зябко. Майка и шорты шершавые, кеды влажные, бутерброд невкусный. По утрам, целых пятнадцать минут, Юлька не любит дедушку.

Они долго идут. Сначала по дороге – и Юлька старательно переступает трещины в асфальте, потому что если наступить, это знают все, случится страшное, – потом через луг, мокрый, тяжелый, и ноги по колено в мурашках, дальше березы, высоченные, до самого неба, а внизу уже мутно-синяя, вся в тумане, река.

Дедушка знает тайное место – там не топко, желтый песок и три больших камня у самой воды.

– Сегодня тебе повезет, – говорит дедушка. – Помнишь, что самое главное?

– Тишина, – шепотом отвечает Юлька.

Она достает из железной банки дождевого червяка, плюет

на него – это тоже дедушкин секрет, – насаживает на крючок, замахивается гибкой бамбуковой удочкой, леска блещит, червяк шлепается в воду, расходятся медленные круги, Юлька замирает, не отрывая взгляда от красно-белого поплавка, дедушкин красно-синий покачивается рядом.

Сначала она ненавидела эти ранние подъемы и то, что надо было сидеть тихо. Хотелось бегать, хотелось зарываться в песок и строить замок, спрашивать дедушку про то и про это, рассказывать про школу, про противную училку и хорошую училку, про подругу Соню и как они хотели уехать в Африку, про то, что все мальчишки дураки и зря их принимают в октябрята, про то, что мама работает не покладая ног и ключ от квартиры надо носить на шее, чтобы не потерялся, потому что Юлька же растяпа, все теряет, даже голову, мама постоянно говорит: «Юля, ну где твоя голова!», а она вроде бы на месте, но иногда нет, потому что в ней бывают такие звон и пустота...

Но дедушка сказал, что рыба любит тишину. Хотя какая рыбе разница – у нее под водой и так тихо, может, рыбе, наоборот, хочется вынырнуть из воды и посмотреть, кто там сидит на берегу, какие там стрекозы летают и чайки.

Еще дедушка сказал, что есть одна секретная рыба, про которую никто не знает.

И Юлька заранее обиделась. Подумала, что сейчас дедуш-

ка расскажет скучную сказку про золотую рыбку. Ладно, Дед Мороз, Юлька сама его видела однажды ночью, когда проснулась. Худой, маленький, бородатый, в красной хламиде, прятал под елкой блестящую коробку. Юлька тогда зажмурилась, чтобы не спугнуть, и нечаянно заснула. А утром нашла под елкой кукольный сервиз, о котором мечтала, и мама даже пила с ней чай из крошечных пластмассовых чашек, сидела в своем красном халате, улыбалась, и все было по-настоящему.

Или Пиковая Дама! Они с Соней вызывали ее по всем правилам, в темной ванной, поставили перед зеркалом свечу, налили духи в рюмку, положили карту с портретом Дамы и смотрели, смотрели в зеркало. Было очень страшно, и Соня вдруг пискнула, как мышь, свеча погасла, но перед этим, одну секунду, они видели в зеркале чье-то строгое лицо, честное октябрятское. Мама потом, правда, так рассердилась, что даже не ругалась, а только плакала и говорила: «Юля, где твоя голова, это же были “Клима”!» Взрослые постоянно огорчаются из-за всякой ерунды.

А в золотую рыбку не верят даже лопухие детсадовцы!

Но дедушка сказал другое.

– Есть такая рыба, называется зеркальный карп. И если в него посмотреть, можно увидеть всё, что захочешь. И прошлое, и будущее, всё-всё.

– А ты сам в него когда-нибудь смотрел? – недоверчиво

спросила Юлька.

– Нет, – признался дедушка. – А ты думаешь, почему я хожу на рыбалку?

И Юлька поверила в зеркального карпа. Каждое утро шла с дедушкой на камни ловить свою секретную рыбу. Но им ни разу не повезло. Были караси, окуни, какая-то блестящая мелочь, которую бабушка жарила на раскаленной сковороде целиком, до хрустящей корочки. А зеркального карпа не было.

Когда Юлька уезжала обратно в город, дедушка сказал:
– Ничего, следующим летом обязательно его поймает.

Сначала Юлька ужасно ждала лето. Зеркальный карп приплывал в ее сны, большой, гладкий, серебристый. Потом вокруг все стало меняться так быстро, что она не успевала ничего понять и запомнить, дни пролистывались, как скучный учебник, и голова терялась постоянно. А перед каникулами мама сказала, что Юлька больше не будет ездить к тем дедушке и бабушке.

– Почему? – спросила Юлька.

– Потому что так сложились обстоятельства, – сказала мама. – И пожалуйста, не задавай никаких вопросов, хорошо?

– Почему? – спросила Юлька.

Мама хлопнула дверью, до вечера сидела на кухне, курила, и глаза у нее были красные и сердитые.

А лето было хорошее. Они вместе летали на море – и Юлька все высматривала в соленой теплой воде своего зеркального карпа, но видела только медуз и чужие пятки и локти. Бамбуковые удочки, камни, стрекозы, бабушка в смешной газетной шапке-кораблике, бабушкины ладони, пахнущие клубникой, – все потихоньку выцветало, как выцвел за лето синий нарядный сарафан.

Однажды зимой Юлька вернулась из школы. Мама в последнее время снова стала веселой, куда-то уходила по вечерам, целовала Юльку в макушку, говорила: «Делай уроки, ужинай и ложись спать, ладно? Ты же у меня взрослая, правда?» Юлька кивала и думала, что, когда тебе говорят о взрослости, ничем хорошим это никогда не кончается.

– Юлька, – сказала мама, – вымой руки на кухне. Там в ванне рыба плавает, не пугайся. Представляешь, сто лет не видела в магазине живых карпов, а тут так повезло. Два часа стояла в очереди, думала, не хватит. Приготовлю на ужин. И знаешь, к нам сегодня один человек придет, мой друг, давай договоримся, что ты будешь себя вести как взрослый человек. Юля! Ну, где твоя голова, я же с тобой разговариваю.

– У нас в ванне карп? – спросила Юлька.

– Ну да, зеркальный карп, я же говорю, повезло, они страшно дефицитные!

Юля прошла мимо мамы – мама что-то говорила про ужин и что надо будет найти ту красивую скатерть, – включила свет, закрыла дверь и села на краешек ванны. Карп еле заметно шевелил плавниками. Он был большой, гладкий, сонный. И ничего волшебного в нем не было. Никаких серебряных чешуек.

Юлька опустила руки в воду, потрогала скользкую спину.
– Все неправда, – сказала она. – Ты просто глупая рыба, обыкновенная глупая рыба.

Юлька вытерла руки и вышла в коридор, где мама сердилась и опять спрашивала, что происходит, и говорила, что сегодня у нее важный вечер и не надо все портить.

Юлька прошла мимо в свою комнату, забралась под одеяло, прижалась ухом к подушке – от вылезшего пера было щекотно и колко, – зажмурилась, и скоро в ее сон приплыл настоящий зеркальный карп, тот, секретный, которого не смог поймать дедушка, но она, Юлька, обязательно поймает. И тогда узнает всё, что захочет, хоть про прошлое, хоть про будущее, всё-всё.

Хорошее слово

После ужина самое плохое время. Сначала толстое и медленное, как та мохнатая гусеница, которую видел в траве и хотел раздавить, но испугался, не испугался, а было противно от слов, которые про нее подумал – толстая, медленная, как время после ужина, самое плохое. Тарелки уже убрали, а крошки еще лежат на столе, приходит большая с тряпкой вытирать стол, говорит – что ты все сидишь, иди умывайся, спать пора. А ты говоришь – не пора, пожалуйста, не пора. А она говорит – ну вот опять ты, ну что ты каждый раз так, посмотри за окно, там темно, а когда темно, всегда пора спать. *Всегда – очень плохое слово.*

Когда уже умылся и в пижаме, можно постоять в дверях, тут свет и там свет, справа желтый и мягкий, тут спальня, слева белый и твердый, там коридор. По коридору приходит большая, говорит – давай ложись, все-все уже спят, зайчик спит, и мышка спит, и тебе пора спать. А ты говоришь – не пора, пожалуйста, не пора. А она говорит – ну вот ты опять, ну сколько можно, ложись, я оставлю ночник, не ходи в темноту, спи уже. *Темнота – тоже плохое слово.*

До кровати семь шагов и еще половина. Раньше они были большие, теперь маленькие. Главное, не ошибиться – семь

и еще половина. На кровати все правильно. Тут одеяло, там подушка, на стене зверь волк бежит с Иван-царевичем, за стеной поезда, сначала один скорый, стоянка пять минут, потом один товарный, он гудит, потом снова скорый, стоянка три минуты. Ту-тук, ту-тук, говорят рельсы.

Надо не шевелиться, не закрывать глаза, не смотреть на дверь, за дверью темнота, там спит большая, спят зайчик и мышка, гусеница, медленное толстое время, крошки, все-все спят, спят навсегда, до самого утра. *Утро – хорошее слово.*

Про разнообразное детство

Алиса Нагроцкая

Кате и Захару

Про разнообразное детство

Действующие лица:

Собственно, *автор*

Веронюша – *мама автора*

Габи и Эля – *двойняшки автора*

Тушка – *кошка автора*

Собственное детство я помню картинками – короткими клипами.

Моя мама, будучи беременна мною, отсмотрела целиком один из первых фестивалей фильмов ужасов в Доме кино. Полагаю, основным режиссером там был Хичкок. После этого в доме всю ночь горел свет, и она могла заснуть, только держа папу за руку. при полной иллюминации. Она как-то услышала, как папа говорил кому-то по телефону: «Вероника так тяжело переносит беременность». Мама так ему и не призналась, потому что была уверена – узнав, он ее просто пристукнет за безответственность.

Я не могу смотреть фильмы ужасов вообще, а так-же читать что-нибудь на эту тему. Если случайно увижу что-то похожее (например, последний кадр фильма «Пятница, 13», просто не вовремя прошла мимо телевизора), то не могу выключить свет и не сплю вообще на протяжении нескольких ночей. Известный фантастический рассказ про железную руку фон Кого-то там привел меня к стабильным приступам паники лет эдак на десять, может, написав это, я не буду спать и сегодня.

Когда я родилась, мои родители не могли договориться, как меня назвать. Папа хотел Алисой, а мама – Василисой. Мама хотела меня исправить посредством имени, полагая, что хотя бы одно качество Василисы закрепится во мне. Она просто не подозревала, что дети рождаются красненькими и глаза у них могут быть не сфокусированы. Поэтому папа и бабушка получили из роддома записку следующего содержания:

«Мои дорогие! У меня родился не просто некрасивый ребенок, а очень некрасивый ребенок. Это крест, который я буду нести всю жизнь, и большие мы никогда об этом не заговорим».

С папой и бабушкой была истерика. Дядя Изя, который меня принимал, многократно посылал их в нецензурной форме, объясняя, что родилась чудная красивая девочка, но они упорно требовали пересчёта конечностей. Когда папа первый раз меня увидел, он потерял дар речи. Его первые слова через какое-то время были: «Боже мой!!! Какая красавица!»

Я отзывалась всю свою жизнь только на имя Алиса. Документы у меня были частично на Алису, частично на Василису. В Израиле наступил момент истины, в моем заграничном паспорте стояло «Алиса-Василиса».

Первые пять лет моей жизни мы жили в коммуналке на

Марата в тридцатиметровой комнате, разделенной перегородками на три комнатки, в одной спали родители, в «салоне» – няня, а в углу, отделенном от «салона» занавеской (дверь просто не могла туда поместиться), жили мы с бабушкой. Родители между тем были знатными тусовщиками, и у них постоянно собирались толпы народа.

Моя же кровать пряталась за занавеской, и я либо стояла, наблюдая за всем этим действием, либо плюхалась спать. Рок-энд-ролл и вопли мне совсем не мешали. Орала я только тогда, когда занавеску задергивали и мне было не видно гулянки. И родители, разумеется, решили, что я глухая. Они выждали момент, когда я заснула, подкрались к кровати и лопнули у меня над головой бумажный мешочек, наполненный воздухом.

Я проснулась и выжидающе посмотрела на них. Родители отползли, смутно разочарованные результатом. «Она проснулась от сотрясения воздуха» – логично заметил папа-инженер. Снова выждали, пока я засну, взяли две огромные чугунные сковородки и ударили ими изо всех сил у меня над головой. Я проснулась и дико заорала. «Слышит», – успокоились родители. Как же мне повезло, что они не проверяли мое зрение!

Веронюша к детсаду уже была свободна как ветер, ибо после того, как она постоянно опаздывала на кормление в связи с любованием привозными тряпками и покупкой оных, бабушка взяла все воспитание меня на себя. Она была чело-

веком долга.

Я ела по часам. Более того, как великий педиатр бабушка требовала в младенчестве, чтобы меня взвешивали до и после кормления. То, что я родилась 3 кг 950 г, ее не останавливало. Из-за этого Верусик как-то, затрындевшись, уронила меня с весами с холодильника. Правда, успела поймать. Думаю, из страха, что ее папа и бабушка размажут.

Но мне и без этого было не скучно. Дело в том, что каждый вечер мне мерили температуру. Не потому, что я была болезненным ребенком. Я, конечно, пару раз попыталась безуспешно сдохнуть, но к градуснику это отношения не имело. Просто бабушку как педиатра интересовала моя температура. Всегда.

Я была удивительно спокойным ребенком. Меня укладывали в десять, и просыпалась я в десять. С рождения. Но! Бабушка среди ночи меня будила на кормление. А вы помните: перед и после – обязательное взвешивание. Но даже это не заставляло меня плакать. Орать я начинала, только когда мне мерили температуру.

Вы знаете, как младенцам меряют температуру градусником? Советским ртутным? Нет. Не под мышку. И не в рот. Он ртутный. В общем, вы поняли. Это было единственное время, когда Веронюша не могла похвастаться обычным номером «какая у нас спокойная девочка». Правда, вопли не помогали. Бабушка, как я уже говорила, была человеком долга.

С кормлением тоже складывалось тяжело. Бабушка до выхода на пенсию никогда не готовила, но кормление любимой внучки – это святое. И бабушка, выйдя на пенсию в связи с моим рождением с поста заведующей двух отделений Педиатрического института и после сорока двух лет, проведенных в медицине, взялась за дело с огоньком.

Она звонила своим подругам, профессоршам медицины, и говорила:

– Дружочек Вера Алексеевна, ты не подскажешь, как варить ребенку манную кашу?

Третья по счету обычно отвечала. А моя, а раньше Веронюшина няня, баба Дуня говорила:

– Вольга Николавна, да ты чё дергаешси? Дадим пиздрику тюри и усё.

Бабушка трепетала и кричала:

– Дуся! Какую тюрю?! Боже мой! И прекратите называть ребенка такими словами! Как вам не стыдно!

– Да не кипятись ты, Вольга Николавна. Да пиздрик, пиздрик и есть.

Всё детство я провела на блюдах, которые умел готовить профессорский состав Педиатрического института. Поэтому я обожала еду в обычной советской столовке. Мне она казалась верхом совершенства. Я и вкус хлористого кальция обожала. Потому что мне его давали каждый день. И не говорите мне, что это невкусно.

В детском саду я была ровно четыре раза, и благоприятного впечатления он на меня не произвел. Ну, не произвел. Дети удивили меня своим отношением к жизни и общей неначитанностью. Как и поведением.

Я была томной барышней с понятиями о том, КАК ДОЛЖНА СЕБЯ ВЕСТИ НАСТОЯЩАЯ ЛЕДИ. Подглядывания за мальчиками в туалете в эти понятия не входили, кроме того, мне искренне было непонятно, о чем сыр-бор. Нет. Вы не подумайте, я не огульно охаиваю.

Я попыталась слиться с коллективом, но впечатления увиденное на меня вообще не произвело. Можно же было и энциклопедию полистать на досуге. Медицинскую. Ну и вопли и прыжки в группе меня удивляли. Спасали постоянные ангины. Четырех визитов мне хватило за глаза и за уши. Так что, какой мамой была моя мама Веронюша, когда я ходила в детский сад, я сказать не могу. Я туда не ходила.

Одно из самых ранних воспоминаний – единственный в жизни поход в ленинградский зоопарк. Я запомнила только тигра. Клетку окружали люди, а тигр метался внутри, с презрением и ненавистью глядя на толпу. Мы с папой стояли сбоку. Вдруг тигр поднял лапу и пустил струю прямо в толпу. До сих пор помню единственный кадр, как с мужика слетает шляпа из-за напора струи, пущенной ему в лицо.

С тех пор невероятно уважаю тигров и всех кошачьих. На

нас с папой почти не попало, но я помню одну брызгу тигровой мочи на рукаве своей синей курточки. До сих пор воспринимаю ее как тигриную милость.

В шесть лет у меня был компрессионный перелом позвоночника, и меня положили на вытяжение.

От чтения я начала получать удовольствие значительно позже. Но висеть на намордничке, который прикреплялся к наклонной кровати, было очень скучно, поэтому я придумала игру. Вытягивала нитки из старой простыни, скатывала в маленькие яички и их клала в намордничек прямо под щеку, чтобы высиживать.

Наутро их никогда не оказывалось на месте, но это меня не расстраивало. Потому что я точно знала, что из них вылупились маленькие птички и просто улетели.

Лет эдак в двенадцать у меня случился полный паралич, и я месяца три лежала в больнице. Это было лучшее время в моей жизни. Единственное, что страшно раздражало, – одноэтажный дом с треугольной крышей и без окон, который был виден из окна палаты. Дом почему-то был наполовину красный, наполовину белый, как будто состоял из двух половинок разных домов, и в месте соединения некоторые кирпичи выступали на другое поле.

А потом меня вызывали в Педиатрический и показывали как редкий случай полного излечения. Сажали на стол и би-

ли молоточком по коленкам и локтям. А зал был полон студентов. Так я узнала, что такое слава.

В классе девятом я прогуляла неделю, была на кинофестивале. Пришла через неделю, довольно бледненькая, по четыре фильма в день смотреть – это не каждая пщца вытерпит. Встречает меня наша безумная классная руководительница. Ну, думаю, триндец тебе, мальчик, будет неуд по поведению и вообще. Вдруг она бросается раненой птицей с воплем: «Как ты себя чувствуешь?!»

Я дипломатично ответила, что значительно лучше. После этого водопад милостей и примерное поведение захлестнули меня. Долго этому удивлялась, пока через годик не выяснила, что она решила, будто я делала аборт. До сих пор непонятно, почему ее это так очаровало. Через год благорасположение классной поутихло, я вела себя хорошо, никуда на неделю не сбегала.

В общем, разочаровала, и оценки мои на ее предмете стремительно поползли вниз. Но тут решила пойти в бассейн, а у меня попросили справку от кожника. И пошла я в кожно-венерологический диспансер, благо после шестнадцати из детской поликлиники выписывают. Пришла туда ни жива ни мертва, к дверным ручкам не прикасаюсь. И кого же я там вижу? Мою классную. Она долго требовала у меня диагноз, даже показывала свой, написанный на бумажке (что, надо сказать, ничего для меня не прояснило).

Я бы ей и сказала, но ни одно венерическое заболевание, кроме сифилиса, мне было неизвестно, а сказать «сифилис» не поворачивался язык. Например, слова песни «и в результате он поймал лишь триппера» понимались мною как «поймал три пера». То бишь три ножа, возможно, в какие-нибудь важные части тела (ох, и издевались же надо мной, когда это выяснилось).

Во всяком случае, до конца школы больше проблем с поведением у меня не было никогда. Видимо, классная решила, что я твердо стою на правильном пути. Надо заметить, что я даже еще и не целовалась ни с кем, что меня ужасно мучило. Эта история осталась для меня загадкой и по сей день.

– А я помню ощущение покоя и счастья. Я была маленькая, а по телевизору выступал Брежнев. И как-то так его хорошо было видно. И как волосинки топорщились в бровях в разные стороны и одна выбивалась в сторону. А я возила кошку в коляске вокруг стола. Больше такого и не припоминаю. А у тебя было ощущение счастья?

– Да. Конечно, было, и я очень хорошо это помню. Единственный в моей жизни раз, еще бы не помнить. Мне было двенадцать лет, и я парализованная лежала в боксе в Институте детских инфекций. А за стеной другие больные дети, но более или менее ходячие, играли в пациентов и доктора. Мне даже не было жалко, что я до них доползти не могу.

Если вы хотите завести близнецов

Ничто так не радует мать, как возможность поделиться своим опытом

Очень хорошо подумайте. К этому процессу надо подходить серьезно.

Забудьте все советы о том, как нужно готовиться к будущему материнству. Вы никогда не сможете таскать два набитых мокрым песком мешка, которые орут.

Кроме того, это не даст вам полного ощущения реальности, так как эти мешки очень трудно заставить вырываться, лягаться и рвать ваши жалкие остатки волос. Но вам имеет смысл серьезно подготовиться к процессу физически и психически. Сначала очень важно отрастить еще одну пару рук и минимум три-четыре щупальца. Желательно увеличить размах плеч и отрастить еще два глаза, лучше всего на гибкой ложноножке. Эти первые нехитрые приспособления помогут вам освоиться с нелегкой долей матери.

Если вы думаете, что двойняшки – это один ребенок, просто умноженный на два, советую немедленно выкинуть вредное заблуждение из головы. Фига вам. Это две глубокие индивидуальности, с абсолютно противоположными желаниями и планами на ближайшее будущее. Единственное, в чем они абсолютно солидарны и абсолютно одновременны – в

желании висеть у мамы на руках немедленно и обе сразу.

Вообще к радости материнства вас начинает готовить уже, собственно, беременность. Известный факт, что во время беременности начинает болеть всё, когда-либо болевшее в жизни, очевиден, но также вы узнаете о дополнительной массе болевых точек организма, доселе неведомых, если только вы не страстная поклонница особо сложного и изысканного мазохизма. Ну, разумеется, о сне имеет смысл забыть, ибо никогда вы не найдете той удачной позы, в которой этот воздушный шар, наполненный кирпичами, который ранее именовался вашим животом, позволит забыться тяжелым сном.

С едой значительно проще. Тут или дети, или еда. То и другое в вас просто никогда не поместится.

Радости общения один на один с каждым из существ, растущих внутри, вы вряд ли познаете. Вы им по большому счету вообще не нужны, им вполне хватает общества друг друга, и взаимодействие с огромной, глубоко страдающей матерью просто испортит им настроение. Зато вы сразу почувствуете, как внутренняя компания, выстроившись свиньей, замышляет недоброе, досконально обсуждая свои планы на будущее.

Известный момент – счастье движений ребенка. Оно, конечно, да. Вот только двигаться они будут всенепременно одновременно и в разные стороны. Сильно. Одновременно.

В разные. Тонкие ощущения того, как один ребенок танцует джигу у вас на мочевом пузыре, а второй равномерно, с небольшими перерывами для восстановления сил, будет пинать вас в печень – обещаю.

Кстати, спина не будет разделять ваших восторгов от появления малышей. Ох, не будет. Она постарается покончить с собой, чтобы наконец прекратить эти мучения. Ультразвук доставит вам и вашему врачу незабываемые несколько часов. Врач, тихо, но явственно матерясь, будет пытаться выяснить некоторые подробности о физиологии деток, которые в этот момент начнут активно прятаться, готовясь не выдать свой пол даже под пыткой, хотя последняя обеспечена вам. Эту штуку вам будут ввинчивать под ребра с таким рвением, что радистка Кэт стала бы звать маму в аналогичной ситуации значительно раньше наступления родов. Живописные синяки на уже вполне потерявшей всякий товарный вид поверхности живота вас порадуют разнообразием форм и цвета.

В последние месяцы беременности желательно запастись пластиковым табуретом, благодаря которому стометровку вы будете преодолевать в рекордные пятьдесят пять минут.

Итак, вы доползли до конца беременности. Последние месяца два вас будет мучить предчувствие, что роды, собственно, не произойдут. Вы просто лопните с легким хлопком, благо всё к этому идет.

Текст, поступающий от организма, будет следующим: «Лопну, и хрен со мной. Терпеть больше всё равно мочи нет». Врач с горящими глазами будет вас уговаривать подождать еще. Потому как это же ужасно интересно, когда большие близнецы, и они еще так интересно лежат, одна головой вверх, а вторая поперек. Ну, давай дождемся схваток, и попробуешь родить сама.

В глазах врача будет явно светиться новая статья об успехах в престижном медицинском журнале. В ваших – немая тоска и виденье собственной распотрошенной тушки.

Наконец врача удастся убедить, получить дату операции, скрипя зубами, сообщить эту дату отцу детей, понимая, что шансы наслаждаться видом будущего папаши, нервно бьющегося в истерике, потому как роды стали происходить в четыре утра, стремятся к нулю. Также стремятся к нулю шансы увидеть этого гада без сознания на полу в родилке.

Но вот наконец-то наступит великий день.

Особенную радость вы ощутите в предвкушении, что наконец-то мама перестанет удивляться, почему у вас такое плохое настроение. И больше не будете выслушивать легенды о том, что вот когда она была беременна вами, она исключительно была счастлива, весела и радовала своих близких, даже не подозревая, что родит такого упыря, как вы.

Не знаю, как дело обстоит в других городах, но вместо больницы мне решили перед операцией показать основные достопримечательности Восточного Иерусалима. Если бы

папа детей не был приведен в сознание особо циничным способом, мне бы удалось повидать и Бейт-Лехем, и, возможно, посетить сектор Газа.

Итак, вы дома после родов. С легкими повизгиваниями уже удастся самостоятельно добраться до ванны. Это значит, вы полностью здоровы и можете приступать к своим непосредственным обязанностям, хотя представление о них у вас туманное.

Инструкцию к использованию детей так и не дали. Тем более выяснилось, что родственники умудрились превратить детскую в некое подобие джунглей и камеры пыток, видимо от волнения не разобравшись с разными сложными приспособлениями. Несколько точных пинков просветляют их мозг – и детей можно складывать в вольеры.

Не забудьте, уже с самого рождения ребенок предпочитает существовать у вас на руках. В случае с двойней первые месяцы как раз удачны. Вы можете, положив детей на плечи, сидеть у компьютера и даже отвечать на почту, придерживая младенцев локтями. Они пока не больше трёх с половиной кг каждый и не особенно вырываются.

Удержать двух семикилограммовых вырывающихся детей на руках одновременно без помощи дополнительных щупалец не представляется возможным. Но вашу жизнь могут облегчить заранее купленные беруши. Потому как с весом растёт и понимание происходящего, и видеть конкурента на ру-

ках у мамы обычному ребенку не под силу, и он выражает вам свое возмущение как может.

Для молодых мам, склонных к особо тонкому мазохизму, рекомендую отдать детей в бассейн для младенцев с трех месяцев. Погружение в воду в девять утра, после бессонной ночи, доставит вам вполне острые ощущения. Очень хорошо выбрать бассейн, к которому ведет лестница не ниже одесской, но с более высокими ступеньками и, желательно, извилистая.

В первый раз с трёхкилограммовым ребенком на руках вы будете беспомощно стоять у подножья, понимая, что теперь навсегда поселитесь в бассейне и отрастите жабры, потому как по ней не подняться даже в одиночку.

Не расстраивайтесь. Через три месяца вы будете, как горный козел, с семикилограммовым орущим младенцем преодолевать ее в считанные секунды, чтобы дождем не намочило ваше чадо. В самом бассейне тоже не придется скучать. Ведь у вас двойня. А со вторым ребенком в воде находится отец. Вот тут-то вам в первый раз и пригодятся глаза на ложноножке и небольшое косоглазие.

Конечно, детей двое, но всё равно будет неприятно, если молодой папаша в ажиотаже водных процедур всё же достигнет своей цели и утопит одного из них. Второй глаз пригодится, чтобы в процессе наблюдения за папашей и вторым ребенком вы от волнения не утопили первого.

Запомните, двойняшки одновременно едят, но не спят. Они делают это только по очереди! Также они не едят одинаковую смесь. У одного из них, скорее всего, будет аллергия на молоко, и кормить его можно будет только соевой смесью. Постарайтесь не перепутать бутылочки в пять утра. Это важно, но сложно с закрытыми глазами. Зато вы научитесь не только виртуозно одновременно втыкать бутылочки в орущие пасти, но и статично пристраивать их, чтобы дети могли пить из бутылочек самостоятельно. Иначе – лажа. Индивидуальный подход к процессу еды приведет к голодной смерти детей и вашему самоубийству, благо пока вы будете кормить первого – второй будет вопить, требуя своей пайки, а первый есть не будет, так как он будет вопить из сострадания к второму.

Со сном проще. Они никогда не будут спать одновременно. Неспящий будет при этом будить спящего, поэтому имеет смысл увозить его в коляске куда подальше, чтобы хотя бы один ребенок смог подремать. Собственный клон в этом случае очень бы вам пригодился.

Пы Сы. Каждое утро вы станете посвящать благодарственные молитвы человеку, который изобрел памперсы. Пусть имя его будет благословенно отныне и во веки веков. В юности я наблюдала маму двойняшек в Питере, когда еще не было памперсов. Сорок восемь пеленок каждую ночь помога-

ли ей с пользой провести свободное время, которого, как ни странно, у нее не было.

Итак, вам удалось пережить первый год. Значит, первый уровень вы прошли успешно. Не каждая мать может этим гордиться. За это время выяснилось, что для успешного выживания надо освоить несколько нехитрых приемов.

Очень полезно в редкие свободные минуты заняться штангой. Лучше это делать вне дома, потому что штангу надо будет хранить в таком месте, до которого не доберутся дети. Опыт показывает, самое безопасное место – на потолке.

Занятия штангой могут вполне сводиться к процессу доставания и запихивания ее на место. Но такие занятия позволят вам осилить двоих вырывающихся детей по десять килограмм каждый.

Парадокс, с которым вы столкнетесь, – дети способны добраться в девяносто девяти процентах в максимально сложнодоступные места самостоятельно и за рекордно короткий срок. Их скорость может достигать скорости гепарда при беге на дальние расстояния, но направление их движения всегда будет противоположно тому, куда их надо доставить, и, что удивительно, противоположно направлению движения каждого из них.

Грубо говоря, они расползаются в противоположные стороны и друг от друга, и от вас. Математика здесь бессильна,

но результат опытов однозначен.

Хорошо заняться стрельбой из тяжелого оружия. Это помогает выработать быструю реакцию и твердую руку, что необходимо при кормлении. Теперь кормление из бутылочки каждые два часа вспоминается как прекрасный сон.

На сегодняшний день вы уже должны запихивать детей в стульчики, умудриться их пристегнуть и при этом не оставлять без присмотра одного из них, когда занимаетесь другим. Даже если запихивание прошло успешно, это ничего не значит.

Опыт показывает: пристегивание детей ремнями безопасности к детскому креслу для кормления эту безопасность не обеспечивает ни фига. Ребенок даже без помощи брата/сестры за полторы секунды поворачивается к вам попой и встает на ножки в кресле.

Пока вы судорожно пытаетесь его удержать с тыла, передними конечностями сметается и сбрасывается на пол всё, что находится в пределах трех метров от ребенка. Приоритеты отдаются жидкой еде.

Счастье, если у второго ребенка есть чувство юмора и в этот момент он тихо сидит в своем стульчике и, хихикая, размазывает по себе и окружающим предметам то, что вы запихнули ему в рот, и что, выплюнув изо рта, используется как материал для строительства или дизайна.

Кормить детей надо одновременно. Если у детей (напри-

мер, из-за аллергии) разное меню, вам имеет смысл утопиться сразу. Не стоит продлевать мучения. В случае одного блюда необходима твердая рука, очень быстрая реакция и артистизм исполнения русских народных песен и частушек, а также способности пародиста.

Ни в коем случае нельзя упустить ту секунду, когда у кого-нибудь из них от изумления вашими талантами откроется рот. Недрогнувшей рукой нужно впихивать ложку в ближайшую открытую пасть и продолжать художественное выступление, чтобы ребенок от удивления сглотнул, не распознав вовремя, что вы только что с ним сделали. Оба ребенка должны располагаться на расстоянии вашей вытянутой руки так, чтобы вы могли видеть их обоих одновременно. Но ни в коем случае не близко друг другу.

Даже минимум сэкономленных детьми продуктов может быть размазан по очень большой площади комнаты и, главное, по всей площади обоих детей, вне зависимости от того, у кого из них осталась выплюнутая или уроненная еда.

Опыт показывает: очень трудно найти и запихнуть еду в рот ребенка, если он стоит столбиком в стуле к вам тылом. Пихание ложки в то, что вы видите перед собой, к положительным результатам не приведет.

Стиральная и сушильная машины являются недостаточными, но необходимыми условиями вашего выживания!!! Пять ручных стирок в день вам вряд ли по силам. Мысли о

том, как женщины могли вырастить близнецов без памперсов, отбрасываются. Вам всё равно никогда не хватит воображения, чтобы это себе представить.

Использование друг друга для достижения собственных целей (как то: один ребенок кладет другого на пол, встает на него ножками, чтобы дотянуться до чего-нибудь запрещенного) быстро развивается и приобретает новые, совершенно неожиданные аспекты. Вы никогда не сможете предугадать, как ваш ребенок сможет приспособить второго для достижения чего-нибудь, чего нельзя трогать.

Например, ручки окна. Иногда используемый ребенок орально очень хорошо описывает процесс. (То бишь диким ором.) Пытается дать понять первому, что тот не прав. Это ему не удастся никогда, но до вас доходит быстро, и вы сможете вовремя прекратить этот процесс. Чаще всего дети действуют сообща, и вы узнаете всё только по результату. В этом случае оба ребенка объясняют вам орально же, что вы не правы и они что-то ушибли, стукнули или поцарапали.

Ваша речь будет обогащена многими детскими стихами, половины которых вы не помните и поэтому пытаетесь досочинить сами (иногда исходным материалом могут служить не очень приличные частушки, адаптируемые вами с неожиданной легкостью для детского восприятия), а также новыми определениями, как, например, «открыла визжало». Слово-сочетание новое, но с точностью описывающее процесс.

Нам уже год и два месяца. На кое-какие вопросы ответы нашлись. Но хотелось бы объясниться с некоторыми взрослыми.

Эля (1 год 2 месяца). Вот меня все ругали, что я всё отбираю у сестры. Это неправда!!! Позавчера я честно накакала маленькими катышками в памперс и первое, что я сделала, – угостила сестру! Самым дорогим!

Габри (1 год 2 месяца). Мало того, что у меня всё отбирают, меня еще и говном кормят! Требую справедливости!!!

Эля (1 год 2 месяца). Хозяйке на заметку. Если использовать в качестве подставки не только сестру, но и вспомогательные предметы, например, те же пачки памперсов, то можно запросто выяснить, что находится внутри у такой большой штуки, которая музыку играет. И хорошо ли летают и грызутся эти замечательные блестящие диски! А еще, если покачаться на шнуре от лампы, то рано или поздно лампа сорвется со стены и, во-первых, будет замечательный «бум», а во-вторых, полетят разные мелкие и очень интересные штуки!

Габри (1 год 2 месяца). А если тебе что-то не нравится, имеет смысл поплакать на ультразвуке маме. Через очень короткое время она обязательно прибежит и возьмет на ручки. А если она на ручки возьмет, но не даст то, что просишь – надо так же поплакать няне и папе. Опыт показывает, кто-нибудь из них обязательно сломается.

Габри (1 год 2 месяца). Вообще, конечно, очень унижитель-

но доедать кусочек еды, которую тебе дали, только в одной позе: попой вверх в щели между батареей и диваном, но всегда можно поплакать на сестру, и тогда тебя обязательно пожалеют и дадут два кусочка еды, и будут оберегать от сестры Эли.

Эля (1 год 2 месяца). Да чего они, в самом деле! Я просто играю!

Пы Сы. Эля и Габи (1 год 2 месяца). А если тянуть кошку одновременно в разные стороны, то, во-первых, мама, оказывается, умеет очень быстро прыгать на очень далекие расстояния, а во-вторых, царапины от кошки ей очень даже к лицу.

Усталость молодых матерей неопишима.

Это чистая правда, прочувствовала каждое слово. Сегодня были долгожданные гости из Тель-Авива. Я только успела накормить детей, немного очистить от отходов продуктов питания – звонок.

Я, подходя к двери, говорю: «Габи, прекрати немедленно. Тушка, иди в жопу», – а подходя вплотную: «Алло?»

Несколько дней назад, лежа в постели, минут пять пыталась снять очки. Скребу себя лапой по рыльцу – очки не снимаются, скребу-скребу, а результата нет. Пришлось зажать свет – смотрю, лежат себе зайки. Оказывается, успела их снять за полчаса до описываемых выше действий.

Пойти в душ в очках или позвонить по пульту от телеви-

зора – обычная вещь. Стоять в душе в очках и с телефоном – любимое дело. Купить какую-нибудь совсем уже странную вещь. Слава богу, есть Веронюша, она большая любительница вещей вообще, поэтому всегда в ее доме найдется место какой-нибудь странной штучке. Типа держалки для туалетной бумаги со встроенным радио. Это с учетом того, что у меня сделан ремонт и как бы всё уже есть, причем подобранное по цвету. Но Верик была рада.

Поймала себя на том, что в течение часа с глубоким интересом смотрела канал «Лули» для самых маленьких. Махала рукой телепузикам, считала вслух, сколько цветочков появилось на экране. Хлопала в ладоши. Поняв это, слегка испугалась. Интересно, когда я начну пересказывать содержание мультфильмов для младенцев подругам вместо умных книг и фильмов? Так себе и представляю: «...И тут телепузик Тинки-Винки начинает ходить по экрану и получается треугольник, представляешь? А в это время По прыгает с мячиком!»

С одеждой в детском бассейне – понятно. Забыла взять футболку для сменки. Так как купальник я забыла уже изначально, то зимой в мокрой футболке как-то неуютно. Пришлось варганить на скорую руку кофточку из пелёнок не первой свежести. Получилось фантазийно, но изделие всё время пыталось развалиться в такси. И это не в первый раз.

Памперсы бедным деткам мы частенько забываем надеть, а потом искренне удивляемся: что это у девочек хлюпает в ботиночках? Ах, это! Ну да, конечно...

Все мои свитера из чистой шерсти давно постираны при температуре девяносто пять градусов. Один – отдала дочке подруги как теплую футболочку. Она тонюсенькая юная леди четырнадцати лет, ей малость жмет, зато очень тепло. Свитер изначально вмещал в себя человека четыре, а если мелких, то и шесть. Другой – приспособила для полировки мебели, мне бы в этих «убирающихся дамах» вывесить идею. Один теперь носят дети. Он им, правда, ниже колена, но и им всего полтора года. Скоро из него вырастут, на фиг.

Педикюр решила сделать, забыв снять колготки. После маникюра как-то расстегивать брюки не было возможности, поэтому ступни колготок просто попросила отрезать. При чем шла из дома. Не холодно. На педикюр. Ну что со мной делать, если мозги врозь?

Стригусь обычно в том случае, если детский магазин должен открыться через тридцать минут, а около него открыта парикмахерская. Что вам сказать... Хорошо, что не крашу волосы, иначе меня бы дети выперли из дому, как печально известного бабая.

В доме зато ничего не теряется. Всё запихнуто и развешано под потолком. Теперь если чего нет – смотрю тоскли-

во навёрх, думаю о прекрасном. Жду момента, когда все эти вещи уже наконец найдутся.

Сегодня гость, бывавший у меня раньше, рассказывал гостье, которая пришла в первый раз:

– У нее до родов так элегантно было! Всё продумано. Вот этот столик в салоне, он со стеклом, из черного чугуна, парный вот тому, задвинутому в угол. Нет, так ты не увидишь. Ну, этот – на нем просто сейчас одеяло лежит, а скатерть под ножки засунута. И воротцев не было на кухню, и качели не висели. А пол тоже очень красивый. Нет, ты не увидишь. Алиска мне говорила: у нее тут два ковра поперек комнаты лежат, а сверху этим красным покрыты для красоты. Ну да. Ты же те два ковра не видела, так чего говоришь? А здесь как-то странно. А!!! Это под камин сделано. Только раньше как-то красиво было. А!!! Так ты все финтифлюшки убрала! Только бабочек времен мандата оставила? Габи! Не трогай бабочек. Они застеклены. Тоже думаешь убрать? А тогда как будет? Еще хуже? Думаешь, надолго? Ага. Так вот, что я говорю... Говорю, жалко, что ты не видела, как раньше было. Очень элегантно было.

Время неумолимо, но благосклонно.

Вашим деткам почти два года. Вы уже практически напоминаете хомо сапиенса, знакомые перестали смотреть с жалостью и ужасом. Вы даже можете пройти несколько метров

на каблуках не матерясь. Работаете, говорите по телефону. Вообще потихоньку возвращаетесь в жизнь. Местами. Иногда.

Ваши дети.

Запомните мантру: «Дети – это большое счастье».

Повторение мантры поможет в самых сложных ситуациях. В это время фекальная проблема может повернуться к вам лицом, и это лицо вы вряд ли полюбите. Утверждения знакомых: «Ах, ты будешь вспоминать это время с умилением» – правда. О, да. Вам есть что вспомнить. Два ребенка могут уделать комнату в двадцать метров ровным слоем говна в среднем за две и одну десятую минуты.

Это включает в себя раздевание ниже пояса и сам процесс, включая размазывание. Не грустите. Это значит, что ваши детки вполне готовы к приучению к горшку.

Не надо забывать: приучение к горшку еще не есть хождение в него, это лишь шаги в правильном направлении. Если детки успешно справляются с горшком, обычно их награждают бурными аплодисментами. Поэтому, когда утром вы просыпаетесь от того, что ребенок принес колбаску второго ребенка и положил вам под нос на подушку, то правильные действия следующие:

1. Повторите мантру «Дети – это счастье».
2. Наградите детей бурными аплодисментами.
3. Выбросите какашку, не забудьте поменять наволочку,

иначе на следующую ночь вы можете проснуться от такого знакомого запаха говна и в три часа ночи начать бурно аплодировать. Вас не поймут.

4. Вымойте детей.

5. Теперь это сделал второй ребенок, а уже покаканый принес кашку сестры. Повторите всё с начала.

Запомните: вдвоем дети способны на многое. Утром вы можете найти их на гладком комодe без ручек, высотой в полтора метра. Вы никогда не узнаете, как они туда забрались. Не надо ломать голову. Просто каждое утро ровно в семь имеет смысл снять их оттуда.

Ваш день, обычный день, может выглядеть следующим образом:

7:00. Снять детей с комода.

7:05. Упасть в койку.

7:07. Вымыть детей, убрать снятые памперсы и размазанное, вымыть пол, всё мягкое закинуть в стирку.

7:11. Вернуться из ванной и снять детей с комода, объяснить ребенку, что согнутую антенну от магнитофона не надо запихивать в причинное место.

7:13. Разогнуть антенну, надеть памперсы на детей. Вытереть лужи.

7:20 – 8:00. Играть с детьми. Не пытайтесь им читать. В семь утра у вас вряд ли получится открыть глаза.

8:00–10:30. Отдать детей няне, выкинуть всех на улицу и упасть в койку.

8:01-05-15-31-40-52, 9:04, 10:20 вы отвечаете на следующие звонки:

– Нет, это не Йоси... Нет не Йоси, неправильно набран номер... Нет, не Йоси, быстро пошел в жопу, а то я найду по телефону твой адрес и буду звонить до пяти утра каждые пять минут... Да, привет. Я сплю. Покончил с собой? Да, я знаю. Неделю назад. Да. Скажи, почему ты решила обсудить со мной это в восемь утра? Чудно. Я тебе позвоню... Да, милый. Я знаю, что твоя секретарша дура. Да. Что ты говоришь? Ну, надо же! Ага... Ага... (закрываются глаза, монотонно агакаешь). Да. Обязательно. Детки гуляют. Они каждый день гуляют в том парке в это время. Да, милый, да. Ты каждый день к ним туда приходишь. И каждое утро в девять ноль-ноль спрашиваешь, где они. Да, я знаю, что ты на работе. Я не понимаю связи... Нет, я не буду страховаться... Да, Веронюша. Почему папа – козел? Какие рамочки он не померил? Я не буду с ним сейчас говорить. Я сплю. Я сплю. Я СПЛЮ!!! Да, целую. Нет, не умрешь. Скорее я сдохну... И так далее.

11:00–17:00. Блаженство и отдых. Вы на работе.

18:00–21:00. Ваше общение с детьми.

Некоторые рекомендации:

Не надо лежать на диване и смотреть ТВ, согнув задние лапы и слегка их раздвинув. Один из детей это обязательно заметит, подберется с подветренной стороны, встанет ножками на подлокотник дивана и прыгнет вам на лобок и, от-

толкнувшись, врежется со всего размаха коленями и локтями вам в живот.

Ваши действия:

– Ддддетттти этттто счассссстье.

Не орать от боли, ребенок может испугаться. Не блевать, ребенок запачкается, тем более ту же процедуру уже проделывает второй ребенок, он: а) испачкается, б) поскользнётся.

Мыть двух орущих детей и себя – трудно и нервно. Расслабьтесь. Скажите детям, какие они молодцы, идите в ванную, закройте за собой дверь и тихонько повойте с шипением. Пройдет. Подумайте о том, как хорошо, что вы женщина. В другом раскладе это были бы ваши последние дети.

Приходит с работы папа. Один из детей вместо «здрасьте» запихивает себе в нос что-нибудь мелкое. Это уже не в первый раз. В первый раз вы не сориентировались и удивлялись, почему ребенок сильно пованивает, особенно когда ветер в вашу сторону? До такой степени, что хочется выйти из комнаты?

Ребенку запрещено пихать что-нибудь в нос. Требуйте от отца детей, чтобы он поговорил с ребенком. Ребенок начинает дико орать. Папаша держится ровно четыре секунды, после чего начинает покрывать ребенка бурными поцелуями. Дети дружно кричат: «Папа – кака!» Вы тихо радуетесь, представляя, как ваши дети будут мстить папаше в дальнейшем.

Ведете детей к врачу. Приходится брать двоих, потому что

они отказываются расставаться.

Врач «ухо-горло-нос» вас хорошо знает, он не рад визиту. Ваш ребенок хорошо знает врача и тоже не позволяет себе порадоваться новой встрече. Не в первый раз этот врач вынимает ему из носа каку. От вопля трясутся стекла и убегают пациенты. Кака вынута из носа. Дети и папа утешены.

Дети принесены домой, покормлены и положены. И они, мля, лежат. Они бурно и интересно провели день и устали. Вы тоже.

21:00. Вы падаете на диван. У вас болит всё, за что вас дернули, по чему стукнули и от чего оттолкнулись и прыгнули. Пол выглядит примерно как авгиевы конюшни. Для вас этот Геракл и его конюшни – щенки. Главное, встать. Вы продолжаете страдать от радикулита, но он больше вас не волнует.

23:00. Квартира слегка прибрана. Можете обсудить по телефону разводы, похороны и любовников, но почему-то не хотите. Вы, собственно, вообще ничего не хотите. С трудом понимаете, зачем люди занимаются сексом, особенно незащищенным. Возможно, это один из видов садо-мазо в вашем представлении. В отличие от них, вы понимаете, что может получиться в итоге.

Дети – это большое счастье. Вам абсолютно не хочется вернуться в прежнюю жизнь. Парадокс.

Некоторые детские вопросы

Вашим деткам уже два с половиной. Предчувствие во время беременности, что детки, выстроившись свиньей, замышляют долговременную кампанию против вас – оправдалось на сто процентов. И даже превзошло самые буйные фантазии на эту тему. Вам никогда не удастся сравниться с ними по скорости. Достаточно сказать простое «аллэ» на звонок, как тут же наступает тишина.

Тишина – ваш враг.

Нагнетающая страх музыка из фильмов ужасов – мультики на этом фоне. Совершенно понятно, что дети шkodят всюю. За полторы секунды дети успевают открыть дверь в ванную, распотрошить упаковку тампонов, выстирать их в унитазе, съесть четыре помады, намазать вашим кремом для лица друг друга, все предметы в ванной и пол, отполировать полученный результат смягчителем для белья и засыпать сверху прокладками, полотенцами, живописно украсив полученную инсталляцию разноцветными колбасками зубной пасты из трех тюбиков.

Вы давно не выясняете, что из вышеперечисленного они употребили орально. Нервно реагируете только на ацетон или ртуть, а по всяким мелочам даже смешно дергать ваших хороших знакомых из токсикологического центра. За время воспитания деток вы стали их хорошим другом и скоро при-

гласите в гости, тем более им интересно посмотреть на ваших детей. В чисто экспериментальных целях.

Фекально-анальная проблема ослабла, но иногда дает рецидивы. Рецидивы она дает только в присутствии гостей. Дети недовольны, что их отправляют спать, когда вокруг такие интересные дяди и тети. Славным развлечением для гостей будет вид ребенка, которого вы несете в ванную на вытянутых руках, завернув в тряпку.

Ребенок счастлив, благоухает на всю квартиру и покрыт понятно чем, целиком, поэтому сложен в переноске. Тем более мило выглядит, с точки зрения гостей, следующий пейзаж: живописный прудик, с небольшими островками на середине комнаты, а детки, стоя на четвереньках на берегу этого практически рукотворного прудика, пытаются облегчить уход за собой, окуная головы в жидкую среду. Состав среды и островков понятен. Если у ваших гостей еще нет детей, то вам лучше не видеть их лиц. Понятно, что их род прервется. И вы за это ответственны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.